

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Стихотворения

Андрей Дмитриевич Дементьев

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8476160

Стихотворения: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76515-7

Аннотация

Всенародно любимый поэт Андрей Дементьев всегда остается верен себе. Его искренность, умноженная на мудрость прожитых лет, доверительный тон и простота создают гармоничность в его общении с читателями.

В книгу вошли известные стихи и любимые всеми песни, которые исполняются с большим успехом по телевидению и на радио.

Книги замечательного народного поэта, лауреата Государственной премии СССР, престижных Бунинской и Лермонтовской премий Андрея Дементьева переведены на многие языки мира, и интерес к его творчеству не угасает и в наши дни.

Содержание

По строкам моей жизни	10
Мой двадцать первый век	18
Моим читателям	21
«С тех горячих дней «Норд Оста»...»	23
Тверской пейзаж	25
«Мы повстречались слишком поздно...»	27
«Мне снится вновь и не дает покоя...»	29
Израильские новобранцы	31
«В актовом зале литинститута...»	32
Песенка про клоуна	33
«Ненадежные друзья...»	35
На пиру былых развалин	36
Песенка о наполеоне	38
Мертвое море	40
Видение	42
Счастливчик	44
«Встретил друга...»	46
Вежливый чин	47
«Мы – дети Пасмурного времени...»	48
Сказание о Чечне	49
«Разворована Россия...»	51
Песенка про Булата	52
«Мне б научиться легко расставаться...»	54

Мученики моря	55
Непостижимость	56
Последний вечер Лермонтова	58
Кинжал	59
Некрополь	62
«Я жил вдали от юности своей...»	64
«Для кого-то дружба – тоже бизнес...»	65
Русская эмиграция	66
«Что же это за страна...»	67
«Как важно вовремя успеть...»	69
«Не могу уйти из прошлого...»	70
«Я счастлив с тобой и спокоен...»	71
«Грустно мы встречаем Новый год...»	72
Предсказание	73
«Пока я всем «услуживал»...»	75
«Век Серебряный заглох...»	77
«Левитановская осень...»	78
«Сколько же вокруг нас бл-ва!...»	79
«У нас с тобой один знак Зодиака...»	80
«Мое лицо гуляло по экранам...»	81
«Не помню, как та речка называлась...»	82
«Осенний день наполнен светом...»	84
«Лермонтов безмерно рисковал...»	85
Памяти Булата Окуджавы	86
«Пока мои дочери молоды...»	87
«Дарю свои книги знакомым...»	88

«Была ты женщиной без имени...»	89
«Сколько спотыкался я и падал	90
«Наверное, мы все во власти судеб...»	92
Берново	94
Посвящения	95
«Я все с тобой могу осилить...»	96
«Я лишь теперь, на склоне лет...»	98
«Я не знаю, много ль мне осталось...»	99
Яблоко	100
«Я сбросил четверть века...»	102
«Нелегко нам расставаться с прошлым...»	104
«Возраст никуда уже не денешь...»	105
Крест одиночества	106
Гадание на книге	108
«Ты любил писать красивых женщин...»	110
«Говорят, при рождении любому из нас...»	112
«Кто на Западе не издан...»	113
Парад в Иерусалиме	114
Российские израильтяне	116
Весенняя телеграмма	118
В больнице Шаарей-Цедек	120
«В том, что рядом твое крыло...»	122
«Я живу открыто...»	123
«После всех неистовых оваций...»	125
«Хороших людей много меньше...»	127
В бильярдной	128

«И я живу в соседстве с завистью...»	130
Риск	131
Анна	132
Женька	133
«Как трудно возвратиться вдруг...»	135
В изгнании	136
Фантазия	138
«Я в дружбе верен, как собака...»	140
Арад	141
Девяностые годы	143
«Ты остаешься, а я ухожу.....»	144
«Я в равенство не верил никогда...»	145
«В ясную погоду...»	146
Мойка, 12	148
«Пришли крутые времена...»	149
«Страна моя – и.о. России...»	151
«Я одинокий волк...»	153
«Неповторим осенний Ленинград!...»	154
«Кто-то надеется жить...»	156
«Как тебе сейчас живется?...»	158
«Я теперь озвучиваю «Вести»...»	160
Чиновнику	161
«Я на выборах проиграл...»	162
Береза в Мозамбике	163
Солдатские матери	164
Монолог певицы	165

«Прощаясь с прошлым...»	166
«Бессонницей измотаны...»	167
«Она призналась: «Я тебя люблю...»...»	169
«Зураб сказал...»	170
«Еще холста он не коснулся...»	172
«В отеле, где живем мы...»	173
«Я брожу по майскому Парижу...»	175
«Властители дум ненавидели власть...»	176
Памяти друга Юры Григорьева	177
«Вся страна играет в лотерею...»	179
«Меж жизнью и смертью...»	180
Концерт в Пицунде	182
Гороскоп	183
«Я ничего и никому не должен...»	184
«Старинный зал, старинный вальс...»	185
«Если жизнь вас чем-то огорошит...»	186
«А в метро на переходах...»	188
Прощёное воскресенье	189
«Кому Господь благоволит...»	190
Памяти мамы	192
«Нас старят не годы, а беды...»	194
«Люблю пейзаж проселочных дорог...»	196
«Когда накатывают волны гнева...»	197
«В беде моя Россия много лет...»	198
«В дружбе нет ни титулов, ни званий...»	199
«Как жаль, что мы не подружились...»	200

«Звоню друзьям...»	202
«Наше время ушло...»	204
«Мне всегда бывает грустно...»	205
Тверская хроника	207
Московская хроника	209
Позднее признание	211
«Ты сказал мне...»	212
«Президенты сменяют друг друга...»	213
«На скалах растут оливы...»	214
Восьмидесятые годы	215
Характер	216
Пока заря в душе восходит...	217
Этюд	218
«Срывают отчий дом...»	219
«Сандаловый профиль Плисецкой...»	221
«Среди печали и утех...»	223
Сыновья	225
«Друг познаётся в удаче...»	226
Давнее сновидение	227
Баллада о любви	228
Прости, солдат	230
Жалею зверей	232
«За все несправедливости чужие...»	234
Встреча в Дюссельдорфе	235
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Андрей Дементьев

Стихотворения

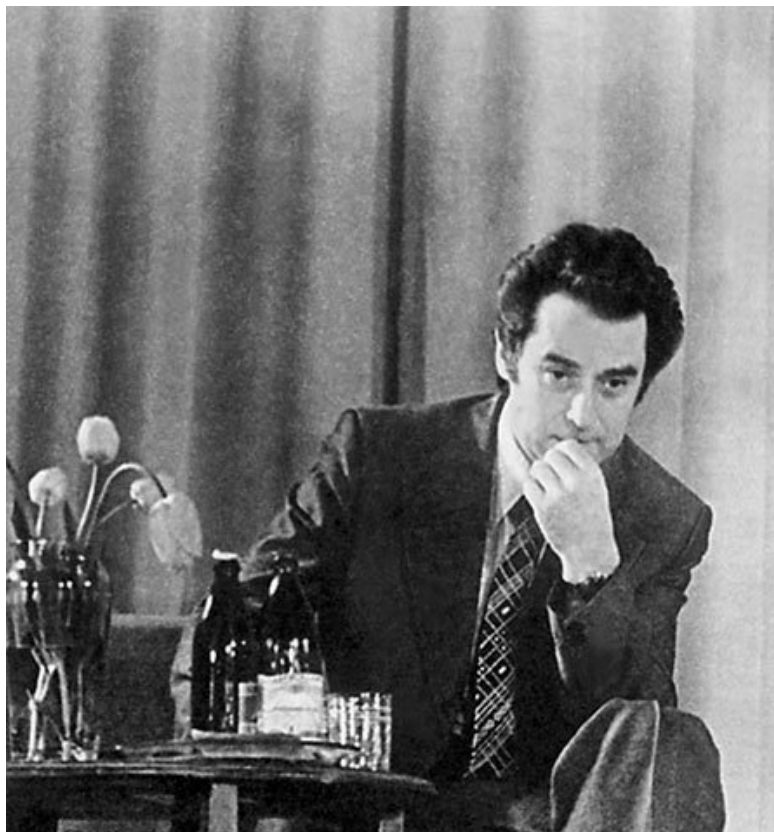
© Дементьев А. Д., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

По строкам моей жизни

* * *

Есть что вспомнить. И о чем поразмышлять

Я бесконечно благодарен своим родителям за то, что они встретились когда-то в Твери и этот живописный край стал моей родиной. Малой, как теперь говорят. Именно в Твери я написал стихи, где есть такие строки:

Нас в детстве ветры по земле носили...
Я слушал лес и обнимал траву,
Еще не зная, что зовут Россией
Тот синий мир, в котором я живу.

Как раз посреди России и стоял наш небольшой дом с мезонином, где я провел лучшие годы своей жизни – детство, отрочество и юность. Неподалеку была Волга. Наверное, благодаря ей я с малых лет пристрастился к плаванию и гребле, а зимой к конькам и лыжам. Спорт ковал из меня сильного парня. Не будь спортсменом, вряд ли бы мне удалось спастись, когда однажды я провалился под волжский лед, где до меня уже тонули неосторожные земляки.

Сейчас наш деревянный домик хранится лишь на семейных фотографиях. А на улице, носящей имя великого писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, жившего когда-то неподалеку, поднялись многоэтажные дома. Среди них одиноко бродят мои воспоминания о довоенных мальчишеских радостях, о горьких испытаниях войны и первых литературных увлечениях. Рядом с нашим домом, метрах в двадца-

ти от него, располагалось когда-то кавалерийское училище, курсантом которого был С. Я. Лемешев. Отсюда он уехал учиться в Московскую консерваторию. И я хорошо помню, как великий певец каждый год приезжал в родную Тверь, давал концерты для своих земляков в местном Колонном зале. Именно ему я обязан ранним увлечением музыкой – как классической, так и народной. Я рос среди мелодий. Мои дед и мама, которые хорошо пели, были страстными поклонниками Лемешева. И эта любовь передалась мне. В нашем доме бесконечно звучали арии и романсы в исполнении Сергея Яковлевича. Старенький патефон просто изнемогал от перегрузок. Может быть, потому на мои стихи написано так много песен, что с детства я почувствовал ритм и внутреннюю музыку слова.

Был у меня еще один отчий дом, в деревне Старый Погост, куда каждое лето я уезжал на каникулы к бабушке. Места там поразительные – маленькая речушка извивалась между обрывистыми берегами, с которых мы прыгали в прохладную и прозрачную воду, местами заросшую кувшинками и белыми лилиями. А «русский лес до небес» манил нас, мальчишек, своей загадочной зеленой тишиной и, конечно же, грибами и ягодами. Все это стало потом моей поэзией...

В 1936 году я пошел в школу, сразу отстав по болезни на целых два месяца. Но учился хорошо. Наши учителя были добры к нам и терпеливы. И хотя из детства мы перешли в войну и жизнь посуровела, она не стала для нас менее доро-

гой.

Уроки в те годы начинались со сводок Совинформбюро, и карта, висевшая в нашем классе, была утыкана красными и синими флажками. Все жили тогда фронтом...

И, когда пришла долгожданная Победа, я уже заканчивал школу, сдав экстерном девятый класс, чтобы скорее стать самостоятельным. Потому что жили мы трудно и бедно. Мама одна воспитывала меня. Отец был арестован по печально знаменитой тогда 58 статье. Именно из-за отца и его братьев, которые тоже мотались по тюрьмам и лагерям, мне было отказано в поступлении сначала в Военно-медицинскую академию, а потом в Институт международных отношений.

Я поступил в Калининский педагогический институт (ныне Тверской государственный университет), откуда через три года по рекомендации известных советских поэтов Сергея Наровчатова и Михаила Луконина перешел в Литературный институт, выдержав творческий конкурс (15 авторов на одно место). Все эти нелегкие годы я чувствовал себя счастливым человеком. Еще бы! Быть студентом всемирно известного Литинститута – это ли не счастье для пишущего юнца?! Нам преподавали классики – Валентин Катаев, Константин Паустовский. Мы слушали лекции Твардовского, Симонова, Эренбурга, Исаковского, Бонди, Маршака... Но стихи писались тяжело, потому что надо было догонять упущенное в войну время, когда мы не имели возможности ни много читать, ни ходить на спектакли, ни вообще нор-

мально жить.

С дипломом Литературного института я вернулся в родной город Калинин и только там почувствовал себя поэтом. Стали выходить книги, пришла известность. Все давалось нелегко – днем я трудился в редакции, ночью писал. А годы-то совсем молодые. Хотелось и погулять, и за девчонками поухаживать. И спорт не бросать. Я женился, родилась дочь Марина... Но все больше меня тянуло в Москву. Я понимал, что центр поэтической вселенной там, в столице. Помню, как-то заговорил об этом со своим земляком и старшим другом Борисом Николаевичем Полевым. Он гениально ответил: «Переезжайте в Москву, старик. Но помните, Москва – жестокий город. Пройдет стадо бизонов, на морде одни копыта останутся. Выдержите?»

Я выдержал. И работу в аппарате ЦК ВЛКСМ, где жили по непривычным мне законам бюрократии, но где в то же время учили меня мужскому братству и закаляли характер. И улюлюканье некоторых собратьев по перу вослед моей книге «Азарт», удостоенной в 1985 году Государственной премии СССР. Выдержал и предательство друзей, оставивших меня на другой же день, как я перестал быть главным редактором журнала «Юность», где они все так охотно печатались.

Но хорошего было больше. Были незабываемые поэтические вечера в Политехническом и в Лужниках, в сельских домах культуры и в знаменитом зале Чайковского. Двадцать один год я отдал журналу «Юность», который в те време-

на был поистине властителем дум. Каждый день я приходил в редакцию в ожидании чуда... И чудес хватало. Их творили наши авторы – Борис Васильев и Владимир Амлинский, Анатолий Алексин и Владимир Войнович, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко... Всех не перечесть. Но главное – мы, как повивальные бабки, принимали роды новой литературы: Тобояк, Поляков, ершистые поэты из завтрашней классики. Сейчас я вспоминаю о тех годах с нежностью и грустью. А моя личная творческая жизнь шла своим чередом. Выходили книги. Стихи переводились на разные языки. Меня награждали, избирали, как водится, заведовали. Вся страна слушала и пела наши с Женей Мартыновым песни – «Отчий дом», «Лебединая верность», «Аленушка». Незаметно я становился мэтром в общем музыкальном доме. На мои стихи писалось все больше и больше песен. Арно Бабаджанян, Раймонд Паулс, Владимир Мигуля, Евгений Дога, Павел Аедоницкий были моими соавторами. Да и не только они. Я стал получать немалые гонорары. Популярность в те годы в стране Советов оплачивалась высоко.

В один из моих первых серьезных юбилеев с легкой руки фотокорреспондента ТАСС, опубликовавшего во всех газетах снимок поэтического вечера, к моей главной профессии – поэт – добавилось расхожее слово «песенник». Я испугался этого и перестал писать песни. Тем более что вскоре ушел из жизни мой первый композитор Евгений Мартынов. Меня вовсе не унизило слово «песенник». Просто я почувствовал

опасность скатиться в тексты, потому что музыканты были очень уж нетерпеливы. А я привык работать не торопясь, по-долгу, и поток меня не устраивал.

А ныне я вновь затосковал по мелодиям и стали появляться мои новые песни, как правило, написанные на стихи из сборников.

За эти годы вышло уже много книг. Последние по датам – «Вирази времени» (издательство «Молодая гвардия») и «У судьбы моей на краю» (издательство «Воскресение») выдержали по несколько изданий. Меня это радует. И не только потому, что лично я, поэт Андрей Дементьев востребован. А прежде всего потому, что в России возрождается интерес к поэзии вообще, который не подавила наша тяжелая и непредсказуемая жизнь.

Время неумолимо. И жестоко одновременно. Как я гордился своими лауреатскими званиями и правительственными наградами, которые получал в разные годы за творчество, за книги, за труд. А теперь этим никого не удивишь. И больше того – рассмешишь, если вдруг напомнишь. Хотя до самой смерти я буду хранить в душе все то, что мне было дорого в далекие и недавние времена: и любимую, забытую невеждами литературу, и откровенность поэтических встреч, и верность своим стихам, в которых вся моя жизнь с ее взлетами и ошибками. Я не хочу приспособливаться к тому, что мне не нравится. Не хочу суетиться, пытаюсь вернуть или обрести чье-то внимание. Я хочу остаться самим собой

и в нынешние времена, как бы они ни перекраивали вечные ценности. И потому в эту книгу я включаю произведения, написанные в разные годы, не боясь выглядеть в них старомодно, не боясь, что не впишусь в сегодняшние стереотипы. Конечно, личные горести и радости не должны выноситься на всеобщее обозрение. Поэтому я многое упускаю из этой исповеди. И благодарю судьбу за то, что получил право от своих читателей сказать в своих стихах все, что сказали бы они, но поручили это сделать мне, Андрею Дементьеву.

Мой двадцать первый век

* * *

«Площадь звезд». Начало века

Моим читателям

Когда надежда вдруг провиснет
И вера падает во мне,
Я вновь читаю ваши письма,
Чтоб выжить в горестной стране.

Исповедальная Россия
Глядит с бесхитростных страниц,
Как будто сквозь дожди косые
Я вижу всполохи зарниц.

За каждой строчкой чья-то доля,
Мечта, обида или грусть.
О, сколько в мире бед и боли!
И как тяжел их горький груз.

И перехватывает горло
От этих трепетных страниц.
Не знаю, кто еще так гордо
Мог выжить и не падать ниц.

Благодарю вас за доверье,
За эти отсветы любви...
И если я во что-то верю,
То потому лишь,
Что есть вы.

2003

«С тех горячих дней «Норд Оста»...»

С тех горячих дней «Норд Оста»
Не стихает в сердце боль.
До чего же было просто
Завязать с Москвою бой.

До чего же просто было
По свободному пути,
Обернув себя тротилом,
Прямо к сцене подойти.

Обандитился наш город...
И теперь любой хилак,
Пьян с утра он иль наколот,
Может всех перестрелять.

А менты на перехвате
Вновь очнутся в дураках...
Скоро нам страны не хватит
Уместить свой гнев и страх.

И тревожно время мчится,
Словно горькая молва.
Хороша у нас столица —
Криминальная Москва.

2003

Тверской пейзаж

Я люблю апрельские рассветы.
Над округой – праздник тишины.
Старый дуб навесил эполеты
И река полна голубизны.

Здравствуй, день!
Побудь еще со мною.
Воздух льется в душу, как бальзам.
Этот свет и волшебство лесное
Расплескались по твоим глазам.

Скоро вновь сирень раскроет завязь
И поднимет голубой букет.
Я опять тебе в любви признаюсь,
Словно не промчалось столько лет.

Словно я тебя вчера увидел,
Увидал нежданно в первый раз.
Ты надела свой весенний свитер,
Цвета неба, цвета грустных глаз.

Ты сейчас, как девочка, прелестна
В искренней наивности своей.
Лес расставил на поляне кресла —
Модную округлость тополей.

Я люблю апрельские рассветы.
Я люблю их – если рядом ты.
Тих наш лес, как в кризисе поэты.
И красив, как в праздники менты.

2003

«Мы повстречались слишком поздно...»

Ане

Мы повстречались слишком поздно.

И я не знаю, чья вина.

Былая жизнь, как в небе звезды,

И далека, и холодна.

Не помяну обидным словом

Все, что случилось до тебя.

Былыми бедами не сломан,

Хотя не раз ломался я.

И в этой жизни все не просто.

Уходят годы и друзья.

Но светят мне земные звезды, —

Твои небесные глаза.

Благодарю судьбу и Небо,

Что без тебя теперь — ни дня.

Еще за то, что рядом не был,

Когда любила не меня.

Когда и я влюблялся часто.

Но на излете прежних чувств
Явилось мне такое счастье,
Что на иное не польщусь.

2003

«Мне снится вновь и не дает покоя...»

Мне снится вновь и не дает покоя
Моя Обетованная Земля,
Где вдоль дорог зимой цветут левкои
И подпирают небо тополя.

А небо голубое-голубое.
И солнце ослепительное в нем.
Нам, как нигде, здесь хорошо с тобою.
Со всеми вместе.
И когда вдвоем.

И я молю Всевышнего о том лишь,
Чтоб здесь был мир...
И ныне, и всегда...

Вставал рассвет над городом,
Ты помнишь?
И угасала поздняя звезда.

Иерусалим светился куполами,
Вычерчивая контуры церквей.
В лучах зари — как в золоченой раме —
Вновь поражал он красотой своей.

Еще с тобой мы встретим не однажды
Библейских зорь неповторимый вид,
Чтоб сумрак не касался жизни нашей,
Как не коснулся он моей любви.

2003

Израильские новобранцы

Провожают девчонки
Мальчишек в солдаты.
В боевые заботы,
В грядущие даты.

Улыбаются вслед,
И уходят за ними...
У войны здесь мужское
И женское имя.

На вчерашних невест
Нежно смотрят солдаты.
Словно в чем-то пред ними
Они виноваты.

А какой будет служба,
Знает только Всевышний...
Лишь бы все возвратились
Под родимые крыши...

2003

«В актовом зале литинститута...»

*От студенческих общежитий до бессмертья —
рукой подать.*

М. Светлов

В актовом зале литинститута
Мы сдаем экзамены на самих себя.
Винокуров Женя, как юный Будда,
В кресле притих, листки теребя.

Здесь вся будущая литература —
Трифонов, Друнина, Соколов...
Смотрят классики то светло, то хмуро
На тех, кто их потеснить готов.

Мы получим с годами свои литпремии
За книги, за искренность и войну.
И останемся в том героическом времени,
Которое нам поставят в вину.

2003

Песенка про клоуна

Памяти Юрия Никулина

Каждый вечер в цирке грустный клоун
До упаду веселил народ.
Цирк всегда при клоуне был полон
И смеялся от его острот.

Говорил он – жизнь у нас такая —
Вместе к счастью мы ее толкаем.
И твердил с упрямством попугая:
Все равно я эту жизнь люблю.

Побудь еще... Манеж тебя зовет.
И наши души просятся в полет,
Когда весь цирк перед тобой встает,
Великий чародей.

Клоун был похож на Дон Кихота.
И, когда смеялся от души,
Мы не вспоминали о заботах
И за шуткой шли к нему и шли.

Знал он – все на этом свете зыбко.
И когда-то умолкает скрипка,
Но светла была его улыбка,

Чтобы нам не расставаться с ним.

Побудь еще... Манеж тебя зовет.
И наши души просятся в полет,
Когда весь цирк перед тобой встает,
Великий чародей.

2003

«Ненадежные друзья...»

Ненадежные друзья
Хуже недругов крутых.
Эти если быют вподдых,
Так иного ждать нельзя.

Надо лишь держать удар,
Чтобы знали наперед —
В чью бы пользу ни был счет,
Мы из племени гусар.

Ненадежные друзья
Ненадежностью своей
Стольких предали друзей,
Честно глядя им в глаза.

2003

На пиру былых развалин

Как бы бедно мы ни жили,
Нас разденут короли.
Мы в стране своей чужие,
Словно старые рубли.

На пиру былых развалин
Мы остались не у дел.
Так страну разворовали,
Что сам Гиннесс обалдел.

Мы по-прежнему наивны,
Молча верим в честный труд.
Но под звук бывшего гимна
Снова нашу жизнь крадут.

У воров богатый опыт —
Красть под носом у властей.
А пока их всех прихлопнут,
Кожу нам сдерут с костей.

Все боролись с той напастью —
От Петра и до ЦК.
Но ворье хитрее власти,
Если есть в верхах рука.

Кто-то лечь хотел на рельсы,
Чтобы жизнь переменить.
Кто-то нас мечтал по-сельски
Кукурузой накормить.

Только жизнь не стала раем,
Как не стал порукой гимн.
Власть мы сами выбираем,
Чтоб потом и быть самим.
И, намаявшись работой,
Разуверившись в любви,
Мы уходим в анекдоты,
Чтобы слезы скрыть свои.

2002

Песенка о наполеоне

Однажды император,
Месье Наполеон
Покрыл британцев матом,
Поскольку был пленен.

На острове Елены
Он отбывал свой срок.
И так чурался плена,
Что с горя занемог.

Что ж оплошали вы, ваше величество?
Гения вдруг одолело количество.
Где это видано, чтоб Бонапарт
Так опустил свой великий талант?
Ваше величество, ваше величество,
Над Ватерлоо стоит тишина.
Если б могли вы заранее вычислить,
Чем завершится былая война.

Тогда бы вы, наверное,
Все сделали не так.
Ваш профиль над таверною
Как стершийся пятак.

Потомки победителей

Здесь пиво пьют за вас.
И двести лет грустите вы,
Не поднимая глаз.

Ваше величество, ваше величество,
Над Ватерлоо стоит тишина.
Если б могли вы заранее вычислить,
Чем завершится былая война.

2003

Мертвое море

В Мертвом море столько соли,
Сколько мрака в темноте.
Ты, – как лодка на приколе, —
Отдыхаешь на воде.

Под тобою только камни,
Да просоленный настил.
А вдали валун, как мамонт,
Бивни в воду опустил.

А вдали пустынный берег.
Иорданская земля.
Ты не хочешь мне поверить,
Что сейчас туда нельзя.

Что обманчив тихий берег.
И жестоки времена.
Невзначай еще подстрелят.
Разбирайся – чья вина.

Ведь не зря на этом месте
Был Содом – библейский град.
И плывет со мною крестик.
И плывет с тобой мой взгляд.

2003

Видение

Ни строки за месяц,
Только суета.
Мы «тусовки» месим,
А тетрадь чиста.

И компьютер дремлет,
Потушив экран.
Пролетает время,
Как аэроплан.

Ни следа, ни звука.
Сердце – как изгой.
Тяжела разлука
С избранной строкой.

Но блеснет надежда
Сквозь мою печаль...
И шепну я: «Где ж ты,
Болдинская даль?»

По закону дружбы,
По родству души
Сверху глянет Пушкин.
Вымолвит: «Пиши!»

Сквозь густой багрянец
Я услышу зов.
И душа воспрянет
От неожиданных слов.

Муза вспомнит землю
И окажет честь.
И душа приемлет
Этот дар небес.

2003

Счастливчик

Я выиграть надеюсь
Престижный миллион,
Чтоб у дверей халдеи
Мне стали бить поклон.

Чтоб все меня любили
За то, что я богат.
И в гости приходили,
Как танки на парад.

Чтобы по всей округе
Гремело имя-рек.
Чтоб брал я на поруки
Голодных и калек.

Чтоб важное начальство
Ждало моих звонков.
И на экране часто
Теснил я м-ков.

А, впрочем, нет резона
Мне думать про барыш.
Я жил без миллиона,
Без киллеров и крыш.

И он все эти годы
Жил тоже без меня.
И ухожу я гордо,
Монетами звеня.

2003

«Встретил друга...»

Встретил друга.
Постояли, помолчали.
Видно, говорить нам стало не о чем.
Не попросишь – «Утоли мои печали...»,
Если у него на них свой перечень.

Не обижусь.
Да и он, наверно, не обидится.
Жизнь такая —
Все мы ею озабочены.
Хорошо еще, что удалось нам свидеться.
Ныне все мы у судьбы чернорабочие.

Будь здоров, земляк!
До новой встречи разовой.
Я в стихи, —
А ты в свой мир уходишь квантовый.
Если можешь,
Никому об этой встрече не рассказывай,
Потому что оба мы с тобою питекантропы.

2003

Вежливый чин

Раньше тебя родилась твоя вежливость,
Все заменив – и порывы, и честь.
Душу твою я напрасно выслеживал...
Нету души...
Только вежливость есть.

Как же ты вежлив бываешь в общении:
Просьбе с улыбкой откажешь.
Солжешь...
Кто-то, поверив умелому щебету,
Примет за правду лукавую ложь.

Ну, а Россия по-прежнему бедствует...
Стелишь ты мягко, да жестко ей спать.
И с нищетою бесстыдно соседствует
Новая знать.

2003

«Мы – дети Пасмурного времени...»

Мы – дети Пасмурного времени
На нас лежит его печать.
В моей душе, как в старом Бремене,
Устала музыка звучать.

Но не молчанье удручает,
А безнадежность тишины.
Никак корабль наш не отчалит
От берегов чужой вины.

А так хотелось выйти в море,
В его простор и звездопад!
Где мир приветлив, как «Good morning»,
И справедлив – как русский мат.

2001

Сказание о Чечне

Возвратился солдат с Чеченской войны.
Возвратился к невесте, в былые сны.
А девчонка ждала его ночи и дни.
Возвратился солдат живым из Чечни.

Не стволы бы ему на плечах носить,
Не кровавую грязь сапогами месить.
Слава Богу, вернулся живым домой.
Мир от слез и от горя окутан тьмой.

Минул век... За окном не пальба, а весна.
Но не хочет оставить солдата война.
Он ушел от нее, да она не ушла.
И по-прежнему ноет ночами душа.

И опять вспоминает он тех ребят,
С кем в засаде сидел и ходил в наряд.
И теперь уже точно – на все времена
Не оставит солдата бывлая война.

И решил он вернуться к друзьям своим,
Чтобы стало спокойней и легче им.
И узнали о том и невеста, и мать,
Что придется опять им солдата ждать.

Помоги ему, Господи, в том краю,
Где огнем испытал он судьбу свою.
Возврати долгожданный покой Чечне.
Помоги побрататься больной стране.

2003

«Разворована Россия...»

Разворована Россия.
Обездолена страна.
Никого мы не просили
Жизнь менять и времена.

Но уже нам жребий роздан.
И подсунут новый миф...

Так же вот крестьян в колхозы
Загоняли, не спросив,
Как теперь нас гонят к рынку,
Будто к собственной беде.
Ты ловись, ловися, рыбка,
В мутной рыночной воде.

И уж вы «не подведите»,
Олигархи-рыбаки...

Я иду к строке на митинг,
Всем запретам вопреки.

2003

Песенка про Булата

Жил когда-то рядом с нами
Добрый «бард *всёя Руси*».
Он оставил нам на память
Десять песен о любви.

И когда они звучали,
Забывали мы печали.
У экрана или в зале
Замирала вся страна.

Вот уже сменился век.
Но все так же кружит снег.
И над шумом дискотек
Песня старая слышна.

Ах, Булат, прости нас, грешных.
Мы вступили в тот предел,
Где не в моде стала нежность,
О которой ты нам пел.

Жизнь твоя осталась в песне,
Значит, мы навеки вместе
На земле иль в поднебесье.
Лишь бы голос твой звучал.

Вот уже сменился век.
Но все так же кружит снег.
И над шумом дискотек
Песня старая слышна.

2003

«Мне б научиться легко расставаться...»

Мне б научиться легко расставаться
С тем, что уже не продолжится вновь:
С эхом недавних похвал и ований,
С верностью, не удержавшей любовь.

Мне б научиться легко расставаться
С теми, кто предал в отчаянный час...

С улицей детства в цветенье акаций,
С песней, которая не удалась.

Я же пока тяжело расставался
С тем, с чем проститься настала пора, —
С музыкой нашего первого вальса,
С прошлым, что было грядущим вчера.

2003

Мученики моря

Боже мой!

Ну до чего ж мы низко пали!

Не считаясь с милосердием и болью,

Мы дельфинов приобщаем к бою,

Обучаем воевать со смертью в паре —

Мины обезвреживать собою.

А морские братья искренне нам верят,

Но доверчивость им дорого обходится.

Что считать дельфиновы потери,

Если велено за минами охотиться.

Бог накажет... И Природа не забудет

Уготованной дельфинам горькой участи.

Может, совесть нас когда-нибудь осудит,

Прежде чем в аду мы будем мучиться.

2003

Непостижимость

Мы все настолько в Лермонтова вжились,
Что кажется, нас нечем удивить...
Но гении – всегда непостижимость...
И где найти нам Ариадны нить?

Не понимаю, как в такие лета,
Когда душа наметилась едва,
Грядущее величие поэта
Нам открывали юные слова.

Как мог он видеть в позапрошлом веке,
Что «спит земля в сиянье голубом»?
Еще Гагарин не расставил вехи
И мир не вхож был в наш небесный дом.

Как рано он взорвал глаголом темень,
Чтоб светом обернуться на земле.
И отступил перед мальчишкой Демон,
Едва он уличил его во зле.

Наверное, он был посланец Бога?
Но почему Господь к нему был строг?
Оборвалась печальная дорога
На перекрестке гениальных строк.

Посланец Бога, он не знал, кем послан.
И, не сумев предчувствий одолеть,
Все чаще устремлялся сердцем к звездам,
Не думая, что звезды – тоже смерть.

Посланец Неба, жил он по-земному
И не считал обид своих и ран...
От бед спасала лишь дорога к дому
Да живопись возлюбленных Тархан.

2003

Последний вечер Лермонтова

Похожий на свои портреты,
Сидел он между двух сестер.
И, как положено поэтам,
Был и галантен, и остер.

Смеялись сестры. Он злословил.
Верней, задумчиво острил.
И в каждом жесте, в каждом слове
Неподражаем был и мил.

А за окошком краски меркли,
Ковры темнели на полу.
И как нахохлившийся беркут
Мартынов высился в углу.

Грядущий день его прославит.
Да слава будет тяжела...

Слетали звуки с белых клавиш,
Как с веток птичья ворожба.

2003

Кинжал

Как известно, ссора Лермонтова с Мартыновым произошла в доме генерала Верзилина после безобидной шутки поэта по поводу мартыновского кинжала. Не поняв юмора и не приняв извинений, Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Николай Мартынов
Приобрел кинжал.
И себя за это
Очень уважал.

Ибо в Пятигорске
Думали с тех пор,
Что кинжал за храбрость
Получил майор.

А на самом деле
Было все не так.
Он купил у горца
Золотой тесак.

Украшал кинжалом
Дорогой бешмет,
Поразить надеясь
Пятигорский свет.

Ничего ж другого
Не таилось в нем,
Чтоб пленить собою
Генеральский дом.

В тот июльский вечер,
В горький вечер тот
Лермонтов был весел,
Не жалел острот.
Музыка звучала
В гулкой тишине.
Никаких предчувствий,
Только синь в окне.

И, когда последний
Смолк в тиши аккорд,
Вдруг упала фраза,
Словно камень с гор.

Лермонтов не думал
Обижать его.
Просто с губ сорвалось
Больше ничего.

И хоть добродушен
Был девичий смех...
Но ведь над майором,
Да еще при всех.

А майор Мартынов
Так себя любил,
Что принять ту шутку
Не хватило сил.

И тогда был вызван
На дуэль поэт...
Впереди остался
Лишь один рассвет.

До чего ж нелепо
Все произошло.
Но молчало Небо.
И зверело зло.

2003

Некрополь

После гибели на дуэли Лермонтов был отпет в пятигорской церкви Святого Лазаря и похоронен на местном кладбище. По ходатайству его бабушки прах поэта через несколько месяцев перевезли в Тарханы.

Пятигорский некрополь.
Тишина и покой.
Здесь землю был принят
Гениальный изгой.

Белозубый поручик,
Обреченный пророк,
Сколько взял он на Небо
Ненаписанных строк!

Сколько зорь и закатов
Без него отцвело!
На растерянном камне —
Роковое число.

А над ним только небо
Да шуршание крыл,
И печальные горы,
Что при жизни любил.

Он не знал, что недолгим
Будет этот приют.
Что в родные Тарханы
Прах его увезут.

Но осталось святыней
Это место навек...
Грустно кружатся листья.
Тихо падает снег.

2002

«Я жил вдали от юности своей...»

Ане

Я жил вдали от юности своей,
Вдали от красоты тверских пейзажей.
И кроме грусти – ничего не нажил.

И кроме лет – не заимел друзей.
Все это было много лет назад,
Когда в Москву я из Твери уехал,
Когда моя наивность, словно эхо,

Осталась только в памяти цитат.
И непривычно было мне вдали —
Иные встречи, помыслы и лица...
И, если бы не суета столицы,

Мы раньше бы друг друга обрели.
Но все у нас свершилось и сбылось,
И наша жизнь обручена со счастьем.
Мы много лет своих лампад не гасим,
Поскольку не дано светить им врозь.

2001

«Для кого-то дружба – тоже бизнес...

Для кого-то дружба – тоже бизнес,
Выгодная сделка без потерь.
Если же итог пойдет на минус,
Новый друг укажет вам на дверь.

Сколько раз меня пытались свергнуть
С дружбы, переставшей быть в цене.
Было все вначале – лесть и верность.
До поры, пока ты на коне.

До поры, покуда ты им нужен,
Бизнесменам выборочных дружб.
Я стяну свою печаль потуже
В ожиданье непорочных душ.

2003

Русская эмиграция

Ностальгия – чужое, не русское слово.
Означает тоску по былым временам!
Но давно на дверях проржавели подковы,
Что в наследство оставило прошлое нам.

Как мне жаль их,
Достойных в своем отречении,
В неприятии всех этих лживых свобод, —
Именитых князей и наивной их челяди,
Без которых неполон был русский народ.

Как мне жаль,
Что они не вернулись в Россию...
И над старой Европой взошли имена
Тех, кто Родину в сердце озябшем носили,
Не надеясь, что их еще помнит страна.

Ничего не пройдет – ни печаль, ни обида.
И на плитах гранитных – их горестный след.
Завершилась великая горькая битва —
Победителей нет.

«Что же это за страна...»

Памяти поэта Валентина Соколова, который тридцать лет своей недолгой жизни провел в лагерях и психушках. В неволе была написана им книга «Глоток озона».

Что же это за страна,
Убивавшая поэтов?!
Ненавистная страда
И запретов, и наветов.

Сколько гениальных строк,
В душах праведных родившись,
Получали тут же срок,
Чтоб пропасть в тюремных нишах?

Мой земляк – тверской поэт,
Жизнь свою отдавший тюрьмам,
Через тридцать с лишним лет
Рассказал, как жил и умер.

Не вписавшийся в режим,
Где свободой и не пахло,
Он был ею одержим,
Как зеленым ветром пашня.

Ты прости меня, земляк,
Что, когда я был в фаворе,
Ты глотал тюремный мрак,
Задыхаясь от неволи.

И хоть я не виноват
В том, что судьбы грызли волки,
Ты, наверно, был бы рад
Встретиться на книжной полке.

2001

«Как важно вовремя успеть...»

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе,
Чтоб от волнения сердце дрогнуло! —
Ведь всё порушить может смерть.

Как важно вовремя успеть
Похлопотать или поздравить,
Плечо надежное подставить!
И знать, что будет так и впредь.

Но забываем мы подчас
Исполнить чью-то просьбу вовремя,
Не замечая, как обида кровная
Незримо отчуждает нас.

И запоздалая вина
Потом терзает наши души.
Всего-то надо — научиться слушать
Того, чья жизнь обнажена.

«Не могу уйти из прошлого...»

Не могу уйти из прошлого,
Разорвать живую нить...
Все, что было там хорошего,
Мне б хотелось повторить:

Возвратить отца бы с матерью,
Вместе с молодостью их,
В дом,
Где стол с крахмальной скатертью
Собирал друзей моих.

И вернуть бы из трагедии
Сына в радостные дни,
Где мы с ним футболом бредили,
Жгли бенгальские огни.

Где дожди сменяли радуги
И года сквозь нас неслись.
Где на счастье звезды падали...
Да приметы не сбылись.

«Я счастлив с тобой и спокоен...»

Ане

Я счастлив с тобой и спокоен,
Как может спокоен быть воин,
Когда он выходит из битвы,
В которой враги его биты.

Мы вновь возвращаемся в город,
Где серп в поднебесье и молот.
Давай же – серпом своим действуй
По барству, по лжи и лакейству.

А там по традиции давней
Я молотом с маху добавлю.
Нам так не хватало с тобою
Российского ближнего боя!

Не все наши недруги биты,
Не все позабыты обиды,
Кому-то по морде я должен...
И что не успел – мы продолжим.

2001

«Грустно мы встречаем Новый год...»

Ане

Грустно мы встречаем Новый год,
Потому что далеко Россия.
Там сейчас, наверно, снег идет,
Елки в окнах, стекла расписные.

Ряженные ходят по домам,
Им выносят рюмки на подносе.
Из домов выбрасывают хлам,
И носы краснеют на морозе.

А когда московские часы
Отсчитают прожитое время,
Мы с тобой под музыку попсы
Через страны чокнемся со всеми.

Но уж точно – следующий год
Встретим дома, где так славно жили.
Только я не знаю, что нас ждет,
Если мы сейчас уже чужие.

2001

Предсказание

Я люблю смотреть, как мчится конница
По экрану или по холсту...

Жаль, что всё когда-то плохо кончится,
Жизнь, как конь, умчится в пустоту.

Всё когда-нибудь, к несчастью, кончится.

Солнце станет экономить свет.

И однажды выйдут к морю сочинцы —

Ну а моря и в помине нет.

То ли испарится, то ли вытечет,

То ли всё разрушит ураган...

И Господь планету нашу вычеркнет

Из своих Божественных программ.

И она в космические дали

Улетит среди других планет...

И никто ей песен не подарит,

Не вздохнет, не погрустит вослед.

И Земля вовеки не узнает,

Что часы остановили ход...

Оборвется наша жизнь земная,

Хоть недолог был ее полет.

2001

«Пока я всем «услуживал»...»

Пока я всем «услуживал» —
Шедевры перечитывал
И ставил в номер «Юности»
И прозу, и стихи,
Я был угоден Битовым
И жил в тусовке дружеской
Средь мудрости и глупости,
Как Ванька от сохи.

И время это долгое
Во мне печалью корчилось,
Неслось сквозь чьи-то бедствия,
Цензурные бои.
А время было дорого.
Я крал его у творчества,
Чужие строки пестовал
И забывал свои.

А годы шли и множились.
И от журнала юного
Я ринулся в грядущее
И наверстал его.
И в эти дни погожие
Друзей как ветром сдунуло.
И было в том признание

Успеха моего.

2003

«Век Серебряный заглох...»

Век Серебряный заглох...
Возвратился каменный,
Где уже неведом Блок,
Не прочитан Анненский.

Из души не рвется зов.
И пустуют залы.
У властителей умов
Появились замь:

Непотребная попса
В тыщах вольт и мраке...
Бьются в ритме голоса,
Как крутые – в драке.

А уж как распалены
Короли улова...

Не хватает тишины,
Чтоб услышать Слово.

2001

«Левитановская осень...»

Левитановская осень.
Золотые берега.
Месяц в реку ножик бросил,
Будто вышел на врага.

Красоту осенней чащи
Нанести бы на холсты.
Жаль, что нету подходящих
Рам для этой красоты.

А холодными ночами
Истерзали лес ветра.

Всё у нас с тобой вначале,
Хоть осенняя пора.

2001

«Сколько же вокруг нас бл-ва!..»

Сколько же вокруг нас бл-ва!
Как в рулетке – ставок...
Не хочу приспособляться.
Воевать не стану.

С кем сражаться-то? С ворами?!
С их придворным званием?
Я и так опасно ранен
Разочарованием.

Жизнь пошла не по законам, —
Провались всё пропадом!
Припаду к святым иконам,
Помолюсь им шепотом.

Всё, что нам с тобою надо, —
Во Всевышней власти:
Чтоб от взгляда и до взгляда
Умещалось счастье.

«У нас с тобой один знак Зодиака...»

У нас с тобой один знак Зодиака.
Не в этом ли причина наших бед.
Готов уйти я из созвездья Рака,
Чтоб разногласья все свести на нет.

Характеры у нас настолько схожи,
Что кажется – мы часть одной судьбы.
Одни и те же мысли нас тревожат,
И оба перед хамством мы слабы.

И беды одинаково встречаем.
И в спорах обоюдно горячи.
Когда азарт мой в гневе нескончаем,
Я мысленно прошу тебя – «Молчи!»

Ты не молчишь... И я клянусь созвездью.
Но вскоре в дом приходит тишина.
Не потому ль мы в этой жизни вместе,
Что на двоих судьба у нас одна.

«Мое лицо гуляло по экранам...»

Мое лицо гуляло по экранам
Среди восторга, песен и поэзии.
Я сам себе казался юным грандом,
И девочки в те годы мною грезили.

А за спиной кривили рот эстеты,
И снобы мне завидовали мелочно,
Считая – не по чину эполеты,
Что я на их пути всего лишь стрелочник.

Но я не с ними шел по этой жизни...
Среди моих читающих поклонников
Был старый друг Ираклий Абашидзе,
Володя Соколов и патриарх Андроников.

Их доброта и слава были рядом.
И потому я не был свергнут завистью.
Смотрю на все минувшее их взглядом,
Чтоб с будущим мне было легче справиться.

2001

«Не помню, как та речка называлась...»

Не помню, как та речка называлась,
Но помню, что была не широка.
Я умудрился порыбачить малость,
Но слишком круты были берега.

И я пошел искать другое место,
Забрав свой незатейливый улов.
И вдруг увидел, что река исчезла,
Как будто провалилась в черный ров.

Как будто бы и не было в помине
Плескавшейся у берега воды.
И словно в память о колдунье синей
На бывших берегах ее – цветы.

Но вдруг вдали вновь засинела лента:
И речка, побывавшая во мгле,
В простор зеленый вырвалась из плена
И весело помчалась по земле.

И я подумал – «Как вы с ней похожи.
Вот так порою среди бела дня,
Чтоб бедами своими не тревожить,

Душа твоя скрывалась от меня...»

2001

«Осенний день наполнен светом...»

Осенний день наполнен светом
И грустной музыкой листвы.
И распрощавшееся лето
Сжигает за собой мосты.

В лесу пустынно и печально.
На юг умчался птичий гам.
И в тишине исповедальной
Притих березовый орган.

2000

«Лермонтов безмерно рисковал...»

Лермонтов безмерно рисковал,
Вызывая недругов к барьеру.
И когда не принимал похвал,
И не ставил в грош свою карьеру.

Рисковал над начатым листом,
Чтоб душой с другими поделиться.
Но особый риск таился в том,
Что в себе хранили те страницы.

Рисковал, когда *являлся* в свет,
Потому что был остер в беседах.
Не красавец, но лихой корнет,
Поразивший смертью напоследок.

2000

Памяти Булата Окуджавы

Окончена великая страда,
И жизнь скатилась, как вода со склона.
Какого это стоило труда —
Не удостоить королей поклона.

Какого это стоило труда —
Вместить весь мир в свое больное сердце.
Разлука начала считать года...
И я хочу в минувшее всмотреться.

Твоя охота к перемене мест
Перемешала за окном пейзажи.
И твой последний роковой отъезд
Ни у кого в душе еще не зажил.

Прости, Булат, мы остаемся жить,
Приписаны к Арбатскому предместью.
Чтоб без тебя – тобою дорожить,
Как дорожил ты совестью и честью.

2000

«Пока мои дочери молоды...»

Пока мои дочери молоды,
Я буду держаться в седле.
А все там досужие доводы
О годах... – Оставьте себе.

Пока мои внуки готовятся
Подняться на собственный старт,
Я мудр буду, словно пословица,
И весел, как детский азарт.

И пусть им потом передастся
И опыт мой, и ремесло...
А мне за терпенье воздастся,
Когда они вскочат в седло.

2000

«Дарю свои книги знакомым...»

Дарю свои книги знакомым —
Властителям судеб и снобам,
Которым всегда не до книг.
Поэтому черт с ней, с обидой,
Когда полистав их для вида,
Они забывают о них.

Забросят на книжную полку,
Как в стог золотую иголку,
Где имя окутает тьма.
А я буду думать при этом,
Что стал их любимым поэтом,
Поскольку наивен весьма.

Когда же мы встретимся снова,
Сыграю уставшего сноба,
И тем их сразу наповал.
Но книг раздавать я не буду.
Плесну коньяку им в посуду.
Не слушая шумных похвал.

«Была ты женщиной без имени...»

Была ты женщиной без имени.
В твоей загадочной стране —
Меж днями алыми и синими
Однажды ты явилась мне.

Я ни о чем тебя не спрашивал.
Смотрел, надеялся и ждал.
Как будто жизнь твою вчерашнюю
По синим отблескам читал.

Ты улыбнулась мне доверчиво
И, не спеша, ушла в закат.
И от несбывшегося вечера
Остался только влажный взгляд.

2000

«Сколько спотыкался я и падал

Ане

Сколько спотыкался я и падал,
Только чтоб не разминуться нам!
И пока мы вместе,
И пока ты рядом —
Наша жизнь угодна Небесам.

И за этот долгий путь к надежде
Бог вознаградил мои труды:
Старые друзья верны, как прежде,
И враги слабеют от вражды.

Я не Нострадамус и не Мессинг.
Мне не предсказать своей судьбы.
Знаю лишь одно: пока мы вместе,
Будет так, как загадали мы.

Сколько б годы нам ни слали на дом
Горестей, испытывая нас,
Верую лишь в то — пока ты рядом,
Нам судьба за всё добром воздаст.

Я не знаю, мало или много
Впереди у нас счастливых лет.

Но пока мы вместе – не предаст дорога,
Не устанет сердце, не сгорит рассвет.

2001

«Наверное, мы все во власти судеб...»

Наверное, мы все во власти судеб.
И каждому намечена черта.
Но жизнь свою у Неба не отсудишь,
Когда она бездарно прожита.

И прав поэт – пусть неудачник плачет,
Коль слепо он доверился судьбе.
А мне хотелось жизнь прожить иначе
И, веря в рок, не изменять себе.

Хотя и не дано всего предвидеть,
Но каждый все же чуточку пророк,
Когда вставал я, как былинный витязь,
На перепутье нескольких дорог,

Я понимал, что все решает выбор,
Но он не подотчетен Небесам.
И, чтоб тебе счастливый жребий выпал,
Вначале все решить ты должен сам.

Не потому ли путь мой был отмечен
Невероятной путаницей вех,
Чтоб среди них я отыскал тот вечер,
Который нас соединил навек.

2000

Берново

Марине

Тверская земля с ее далью и реками
До боли похожа на псковский пейзаж.
Где осень – ветрами озвученный реквием.
А лес, словно вставленный в небо витраж.

Когда приезжал Александр Сергеич,
Устав от столицы, в тверские места,
Обиды свои почитал он за мелочь,
И душу лечила от бед красота.

Старинный Торжок, тихий домик Олениных.
И вечно желанный Берновский уют:
Крыльцо, утопавшее в радостной зелени,
И грустно заросший кувшинками пруд.

И все ему по сердцу было в Бернове:
Старинная зала и вид из окна...

Белеют листы и перо наготове.
И слышно, как входит к нему тишина.

Посвящения

* * *

«Как важно вовремя успеть сказать кому-то слово доброе»

«Я все с тобой могу осилить...»

Ане

Я все с тобой могу осилить
И все могу преодолеть.
Лишь не смогу забыть Россию,
Вдали от дома умереть.

Как ни прекрасна здесь природа,
И сколько б ни было друзей,
Хочу домой.
И час исхода
Неотвратим в судьбе моей.

Когда вернемся мы обратно
В свои российские дела,
Я знаю, что ты будешь рада
Не меньше, чем уже была.

Но вдруг однажды к нам обоим
Придет во сне Иерусалим...
И, если мы чего-то стоим,
Мы в то же утро улетим.

И, окунувшись в жаркий полдень,
Сойдем в библейскую страну.

И все, что было с нами, – вспомним.

И грусть воспримем, как вину.

1999

«Я лишь теперь, на склоне лет...»

Марине

Я лишь теперь, на склоне лет,
Истосковался о минувшем.
Но к прошлому возврата нет,
Как нет покоя нашим душам.

Да и какой сейчас покой,
Когда в нас каждый миг тревожен.
Несправедливостью людской
Он в нас безжалостно низложен.

Прости, что столько долгих лет
Мы жили на широтах разных.
Но ты была во мне, как свет,
Не дав душе моей угаснуть.

И как бы ни были круты
Мои дороги, чья-то ярость, —
Я помнил — есть на свете ты.
И всё плохое забывалось.

1993

«Я не знаю, много ль мне осталось...»

Наташе

Я не знаю, много ль мне осталось...
Знаю – долгой не бывает старость.

Впрочем, сколько ни живи на свете,
Что-то продолжать придется детям.

Например, вернуть друзей забытых,
Что погрязли в славе иль обидах.

Дать понять врагам, что не простил их.
Я при жизни это был не в силах, —

То ли доброта моя мешала,
То ли гнев мой побеждала жалость...

Я не знаю, сколько мне осталось.
Лишь бы не нашла меня усталость —

От друзей, от жизни, от работы.
Чтоб всегда еще хотелось что-то.

Яблоко

Зурабу Церетели

Адам и Ева были так наивны
И так чисты в желаниях своих,
Как непорочны перед небом ливни,
Когда земля благословляет их.

Всё начиналось с яблока и Змея.
Былые годы стали вдруг пусты...
И, поразив рай красотой своею,
Сошла на землю жрица красоты.

Всё начиналось горестно и трудно —
С греховной и таинственной любви.
Но жизнь явилась как начало чуда
И отдала им радости свои.

Спасибо Змею за его коварство,
За искушение вдоволь и чуть-чуть...
На все века – и поражай, и властвуй,
Прекрасная греховность наших чувств.

В нас нет стыда, когда любовь во имя
Волшебных чар и радости людской.
И в наших генах буйствует поныне

Земная страсть, сменившая покой.

И мы уходим в древний мир преданий,
В метафоры пророческих камней.
И, не боясь вины и оправданий,
Чужую жизнь мы чувствуем своей.

2003

«Я сбросил четверть века...»

Алексею Пьянову

Я сбросил четверть века,
Как сбрасывают вес.
Луч из созвездья Вега
Ко мне сошел с небес.
И высветил те годы,
Что минули давно,
Где жили мы вольготно,
И честно, и грешно.
Еще в стране порядок
И дальние друзья
Душою с нами рядом,
Как им теперь нельзя.
Еще у нефти с газом
В хозяевах – страна.
И нет гробов с Кавказа,
И не в чести шпана.
Еще читают книги
В трамваях и метро.
И не сорвались в крике
Ни совесть, ни добро.
Как жаль, что всё распалось..
И братская земля
Теперь в крови и залпах.

И надо жить с нуля.
И все мои потери,
И горести твои
Уже стучатся в двери
С угрозой: «Отвори!»
Я сбросил четверть века
И ощутил себя
Азартным человеком,
Сорвавшимся с седла.

2001

«Нелегко нам расставаться с прошлым...»

Иосифу Кобзону

Нелегко нам расставаться с прошлым,
Но стучит грядущее в окно.
То, что мир и пережил, и прожил, —
Музыкой твоей освящено.

Жизнь спешит... Но не спеши, Иосиф.
Ведь душа по-прежнему парит.
Твой сентябрь, как Болдинская осень,
Где талант бессмертие творит.

Ты сейчас на царственной вершине.
Это только избранным дано.
То добро, что люди совершили, —
Музыкой твоей освящено.

Вот уже дожди заморосили.
Но земле к лицу янтарный цвет.
Без тебя нет песен у России.
А без песен и России нет.

«Возраст никуда уже не денешь...»

Николаю Сличенко

Возраст никуда уже не денешь.
Ни продать его, ни подарить.
Нет такого бартера и денег,
Чтоб вернуть утраченную прыть.

Не считаю прожитые годы.
Возраст – состояние души.
Правда, ломит спину в непогоду
И пешком не мерю этажи.

Но когда искусство призывает —
В наших душах вспыхивает свет.
Кто тебе тогда года считает...
Возраста у вдохновенья нет.

1999

Крест одиночества

Илье Глазунову

В художнике превыше страсти долг,
А жизнь на грани радости и боли.
Но чтобы голос Неба не умолк,
Душа не может пребывать в неволе.

Твой перекресток – словно тень Креста.
Пойдешь налево – поминай как звали.
Пойдешь направо – гиблые места.
А позади молчание развалин.

Но ты остался возле алтаря.
И кто-то шепчет: «Божий раб в опале...»
Другие, ничего не говоря,
Тебя давно на том Кресте распяли.

Минует жизнь... И ты сойдешь с Креста,
Чтоб снова жить неистово в грядущем.
И кровь твоя с последнего холста
Незримо будет капать в наши души.

В художнике превыше страсти долг.
Превыше славы – к славе той дорога.
Но чтобы голос Неба не умолк,

Душа должна возвыситься до Бога.

1992

Гадание на книге

Анатолию Алексину

Гадаю по книге поэта...
Страницу открыв наугад,
Вхожу в чье-то горькое лето
И в чей-то измученный взгляд.

Мне грустно от этих страданий,
От боли, идущей с лица.
И я, позабыв о гаданье,
Читаю стихи до конца.

И вновь открываю страницу,
Чтоб сверить с судьбою своей
Летящую в прошлое птицу
Среди догоревших огней.

Гадаю по книге поэта,
А кажется – просто иду
По улице, вставшей из света,
Хранящей ночную звезду.

По жизни, ушедшей куда-то,
И памяти долгой о ней.
Иду, как всегда, виновато

По горестям мамы моей.

И весь я отныне разгадан,
Открыт, как вдали облака.
Иду от восходов к закатам,
Пока не погаснет строка.

2000

«Ты любил писать красивых женщин...»

Александру Шилову

Ты любил писать красивых женщин,
Может, даже больше, чем пейзаж,
Где роса нанизана, как жемчуг...
И в восторге кисть и карандаш.
И не тем ли дорого искусство,
Что с былым не порывает нить,
Говоря то радостно, то грустно
Обо всем, что не дано забыть?

И о том, как мучился художник
Возле молчаливого холста,
Чтобы, пересилив невозможность,
Восходила к людям красота.

Сколько ты воспел красивых женщин!
Сколько их тебя еще томят...
Если даже суждено обжечься,
Жизнь отдашь ты
За весенний взгляд.

Потому что в каждый женский образ

Ты влюблялся, словно в первый раз.
Буйство красок – как неожиданный возглас,
Как восторг, что никогда не гас.

Всё минует...
Но твою влюбленность
Гениально сберегут холсты.
И войдут в бессмертье поименно
Все,
Кого запомнил кистью ты.

2001

«Говорят, при рождении любому из нас...»

Владимиру Суслову

Говорят, при рождении любому из нас
Уготована участь своя.

Кто-то взял у отца синева его глаз
И умчал с ней в чужие края.

Кто-то добрым характером в маму пошел.
Но не в славе теперь доброта.
Как бы ни был наш путь и тернист, и тяжел, —
Все равно жизнь — всегда высота.

Уготована каждому участь своя.
Я о милости Бога молю,
Чтоб в России не гибли ничьи сыновья.
Не скатилась надежда к нулю.

Будьте счастливы, люди, во веки веков,
Если даже все будни круты.
Отболят наши души от новых оков,
От позорных оков нищеты.

«Кто на Западе не издан...»

Василию Лановому

Кто на Западе не издан,
Тот для наших снобов ноль.
Я ж доверил русским избам
И любовь свою, и боль.

Исповедывался людям,
С кем под небом жил одним.
Верю я лишь этим судьям.
И подсуден только им.

Не косил глаза на Запад.
Не искал уютных мест.
И богатств здесь не нахапал.
Нес, как все, свой тяжкий крест.

И России благодарен,
Что в цене мои слова.
Что они не облетают,
Как пожухлая листва.

2003

Парад в Иерусалиме

Михаилу Зархи

Девятого Мая с утра
Уходят на фронт ветераны...
Уходят в кровавые годы,
В окопы свои и атаки.
Не всем суждено было выжить,
Но всем суждено победить.

И вновь они к подвигам годны,
Хотя разболелись их раны,
Как память болит в непогоды.
И громко проносятся танки
По судьбам, по горестным годам...
И так им не терпится жить.

Сверкают победно медали,
Блестят ордена, как обновы,
На стареньких кителях.
Они их на праздник достали,
Чтоб сердцем почувствовать снова
Великую нашу Победу,
Добытую ими в боях.

Идут ветераны сквозь годы,

Сквозь память свою и бессмертье.
Стараясь держать то равненье,
Что только солдатам дано.
И подняты головы гордо.
И кажется – замерло время,
Как вздох над солдатским конвертом,
Как ответ Победы в окно.

2000

Российские израильтяне

Александру Поволоцкому

Затих самолет и прорвалось волнение.
Над скрытым восторгом —
Мальчишеский гвалт.
Старик опустил при всех на колени
И Землю Святую поцеловал.

Страна не забыта... Забыты обиды,
Которых в той жизни хватало с лихвой.
И кто-то, быть может, подастся в хасиды,
А кто-то лишь сменит свой адрес и строй.

В России могли их словами поранить...
Израиль их «русскими» с ходу нарек.
И «Русская улица» — это как память
Всему, что уже отслужило свой срок.

Но в сердце хранятся семейные даты.
И праздникам нашим оказана честь.
Российские парни уходят в солдаты.
И русская речь не кончается здесь.

А в душах иная страна прорастает
Сквозь беды и радость, бои и бедлам...

И молодость, словно израильский танец,
Несется по прошлым и будущим дням.

И местный пейзаж, как полотна Гогена,
Привычен уже и прочтен наизусть.
И только навеки останется в генах
Необъяснимая русская грусть.

2003

Весенняя телеграмма

Рине Гринберг. Вице-мэру. Кармиэль.

Если можешь – приезжай в Иерусалим.
На дворе давно уже апрель —
Я хочу тебя поздравить с ним.

Пусть покинет душу суета...
В синих окнах – Гойя и Сезанн.
И апрельских красок красота
Очень уж идет твоим глазам.

И хотя твой север несравним
С южными пейзажами пустынь, —
Все же приезжай в Иерусалим.
У Стены мы рядом постоим.

Вместе Старым городом пройдем.
И с балкона дома моего
Ты увидишь в полночи свой дом,
Ибо свет исходит от него.

И среди забот и добрых дел
Береги души своей уют.
Вот и все, что я сказать хотел.
Длинных телеграмм здесь не дают.

2000

В больнице Шаарей-Цедек

Иосифу Альбертону

Слева от меня звучит иврит, —
Что-то дед хирургу говорит.
Справа от меня лежит араб,
Как сосед — он так же стар и слаб.

Сын араба молится в углу,
Коврик постеливши на полу.
Сын еврея, отодвинув стул,
Первый раз за сутки прикорнул.

А меж ними русский. Это — я.
Интернациональная семья.
И спасает жизни всем хирург —
И тому — кто недруг,
И кто — друг.

И лежу я, как посредник, тут,
Зная, что опять бои идут.
И араб, что справа, и еврей —
Ждут чего-то от души моей.

А душа сгорела в том огне,
Что пронесся смерчем по стране.

И рыдает боль моя навзрыд...
Как мне близок в этот миг иврит.

2001

Иерусалим

«В том, что рядом твое крыло...»

Бырганым Айтимовой

В том, что рядом твое крыло,
Я, наверно, судьбе обязан.
Мне на светлых людей везло,
Как старателям – на алмазы.

Мне на светлых людей везло,
Как на музыку – речке Сетунь.
И, когда воцарялось зло,
Я спасался их добрым светом.

Говорят, чтобы сильным быть,
Надо, чтобы душа парила...
Ну, а мне по земле ходить,
У нее набираться силы.

И во власти земных красот
Время жизнь мою подытожит...
Мне на светлых людей везет —
Я ведь с ними светлею тоже.

«Я живу открыто...»

Родиону Щедрина

Я живу открыто,
Не хитрю с друзьями,
Для чужой обиды
Не бываю занят.

От чужого горя
В вежливость не прячусь.
С дураком не спорю,
В дураках не значусь.

В скольких бедах выжил,
В скольких дружбах умер!
От льстецов да выжиг
Охраняет юмор.

Против всех напастей
Есть одна защита:
Дом и душу настежь...
Я живу открыто.

В дружбе, в буднях быта
Завистью не болен.
Я живу открыто,

Как мишень на поле.

1982

«После всех неистовых оваций...»

Николаю Баскову

После всех неистовых оваций,
После всех триумфов и побед
Ты сумел самым собой остаться,
Соловьем, встречающим рассвет.

Я включаю в горькую минуту
Голос твой, спасающий от бед.
И душа моя одолевает смуту.
Это ты ей посылаешь свет.

Милый Ленский, дорогой Карузо,
Не сердись на зависть мелких банд.
Слава тоже может быть обузой.
Но превыше славы – твой талант.

Будь Послом Объединенных Наций,
Чтоб искусством мир объединить.
Музыке хочу в любви признаться.
Нам с тобой еще всю жизнь дружить.

И хотя полвека между нами,
Юн талант и Муза молода.
Я опять перед экраном замер...

Коля Басков...

Коля, будь всегда!

2003

«Хороших людей много меньше...»

Павлу Бородину

Хороших людей много меньше,
Как мало талантливых книг.
И лучшие люди – средь женщин.
И худшие – тоже средь них.

Хороших людей слишком мало,
Чтоб жизнь наша стала добрей,
Чтоб каждая русская мама
Спокойна была за детей.

Но как бы нас жизнь ни ломала,
В ней некое есть волшебство...
Хороших людей слишком мало.
И все-таки их большинство.

1999

В бильярдной

Григорию Поженяну

Здесь, в бильярдной,
Всё полно тобою.
Полно острот.
Ударов,
Суеты...
Зеленое сукно,
Как поле боя,
Где жизнь свою
Разыгрываешь ты.

Ждет проигрыш тебя
Или победа?
Но ставки высоки,
Как имена.
И гений сцены
Ставит на поэта,
Как будто у поэтов есть цена.

Вокруг стола вышагивая круто,
Ты держишь кий,
Как грозное копье.
Последний шар...
И долгая минута.

И долгая надежда на нее.

Разинув рты,
Своих шаров ждут лузы.
И вот он, твой
Решающий удар...
За время,
Что украдено у Музы,
Ты вновь получишь
Крупный гонорар.
О, как горьки все эти гонорары!
Пособие от дьявольской игры
За те стихи, что не берут журналы,
За те стихи,
Что, словно кий,
Остры.

Но вдруг, поняв мое недоуменье,
Ты говоришь:
«Хочу с тобой сыграть...
Как видишь, продается вдохновение,
Коль невозможно рукопись продать...»

1982

«И я живу в соседстве с завистью...»

Валерию Эльмановичу

И я живу в соседстве с завистью,
В ее безжалостном кругу.
Спасаясь, как Астафьев затесью:
«Да я вас всех видал в гробу...»

И эта ярость мимолетная
Не подведет меня и впредь.
Россия – как площадка взлетная,
Да только некуда лететь.

Какими ни были б пророчества, —
Здесь все мое – земля, нужда...
Здесь всенародно одиночество.
И так общительна вражда.

Не жду, чтобы лишила отчества
Меня заморская земля.
И здесь уже мне жить не хочется.
И ТАМ нет жизни для меня.

1992

Риск

Валентину Осипову

Непостижима жизнь без риска...

А кто из нас не рисковал:

На льду – до выбитых менисков?

В стихах – далеких от похвал?

Есть риск большой.

И есть риск малый.

Но лишь исток у них один —

Душа бы только понимала,

Что людям риск необходим.

Непостижима жизнь без риска...

Рискуя, сердце рвется ввысь.

Вот небо, – кажется, так близко.

А скольких мы не дождались!

Не принимаю осторожность,

Что стала трусостью уже.

Входите в риск, как входят в должность,

Когда та должность по душе.

Анна

Прости, что я в тебя влюблен
Уже под занавес, в финал...
Всю жизнь блуждая меж имен,
Я на твое их поменял.

Я выбрал имя неспроста —
Оно из Пушкинских времен,
Из грустной музыки, с холста
И с чудодейственных икон...

Но полон тайн открытый звук...
Хочу понять – что он таит?
То ли предчувствие разлук,
То ль эхо будущих обид.

И, чтоб развеять этот страх,
Я повторяю имя вслух...
И слышу свет в твоих глазах
Так, что захватывает дух.

Женька

Евгению Беренштейну

В то утро море беспокойно было,
И так шумел у берега прибой,
Как будто где-то батарея била,
И волны эхо принесли с собой.

Но вот встает мой давний кореш Женька
И медленно ступает на песок.
Вслед вытянулась тоненькая шейка.
Он краем глаза шейку ту усек.

Мы были с Женькой веселы и юны.
Нам шла тогда двадцатая весна.
Вот он на пену по привычке дунул
И в синий вал метнулся, как блесна.

О, сколько раз уже такое было:
И эта синь, и этот спор с волной.
Но как бы даль морская ни манила,
Он чувствует свой берег за спиной.

Волна то вскинет Женьку, то окатит...
И я плыву к нему наперерез.
И вот уже вдвоем на перекате

Мы брошены волною до небес.

А после, как с любительских открыток,
Выходим мы из кайфа своего.
И море провожает нас сердито,
Как будто мы обидели его.

И падаем на раскаленный берег
Среди бутылок «пепси» и конфет.
И в этот миг миролюбиво верим,
Что лучше моря счастья в мире нет.

1975

«Как трудно возвратиться вдруг...»

В. Е. Максимову

Как трудно возвратиться вдруг
В былую жизнь, к былым потерям.
А что там – ложь или испуг?
И дома нет – остались двери.

И что в минувшем – кроме книг,
Познавшим эшафот Главлита?
И кто услышит давний крик,
Сошедший в душу, как молитва?

Господь нам завещал терпеть
И не держать на сердце камень.
Пока бесспорна только смерть.
А жизнь по-прежнему лукавит.

И все ж спасибо за урок,
Что мы стыдливо извлекаем
Из ваших убиенных строк,
Уже забыв, а был ли Каин?

В изгнании

Галине Вишневской

И даже выслали голос,
А имя снесли с афиш.
И жизнь ее раскололась
На прошлое и Париж.

Чужие моря и суши
Делила среди обид.
А как поделить ей душу,
Когда она так болит?

Пусть время за нас dospopит.
Но помню я до сих пор,
Как люди чужое горе
Легко возвели в позор.

Кто знал, как она страдала,
Лишив нас в недобрый час
Своей красоты и дара,
Печально лишаясь нас.

Но сердце, как верный берег,
Где музыка и друзья...
В Россию лишь можно верить,

А жить в ней давно нельзя.

1995

Фантазия

Аре Абрамянцу

Переплываю озеро Севан...
Для этого мне трех минут хватило.
Поверьте мне, я говорю, как было.
Висел над синим озером туман.

Причудливые формы берегов
И необычны были, и красивы.
И друг спросил:
«Ну, ты уже готов?»
Давай поддержим гаснущие силы...»

Он мне плеснул армянского в стакан.
Мы сели с ним за невысокий столик.
«Скучаю я по озеру Севан...» —
И улыбнулся с затаенной болью.

Большая карта озера Севан
Передо мною на стене висела.
И очертанья нашего бассейна
С ней совпадали...

Вот и весь обман.

2003

«Я в дружбе верен, как собака...»

Валерию Чернову

Я в дружбе верен, как собака.
И, если друг попал в беду,
Пусть и не просит он,
Однако
Я выручать его пойду.

Мужская дружба суховата
И сладких слов не признает.
Она с решимостью солдата
Над амбразурой бед встает.

2002

Арад

Але Рубин

Для меня пустыня Негев
Необычна и загадочна,
Как, наверно, снег для негров
Или фильмы для Хоттабыча.

На востоке той пустыни,
Где ветра дороги вымели,
По ночам оазис стынет —
Новый город с древним именем.

А вокруг него пустыня,
Обнаженная, как искренность.
И над скалами пустыми
Только небо и таинственность.

Но, когда восходит солнце,
Город тот преображается.
Он сквозь лилии смеется,
Сам себе он поражается.

В живописном том укрытии
Я влюбился, будто смолоду,
И в его веселых жителей,

И еще в их верность городу.

Приезжаю как на праздник
На крутую землю Негева.
Навидался стран я разных,
А сравнить с Арадом некого.

2000

Девяностые годы

* * *

«Я счастлив с тобой и спокоен...»

«Ты остаешься, а я уйду.....»

Ане

Ты остаешься, а я уйду...
Что-то в нас есть, не подвластное смерти.
Пусть все идет по тому чертежу,
Что без меня тебе Время начертит.

Ты остаешься, а я уйду.
Долгая жизнь,
Как пиджак, обносилась.
Муза ютится, подобно бомжу,
В душах чужих,
Оказавших ей милость.

Пусть мне простят, что останусь в долгу,
Мне бы успеть на тебя насмотреться.
Все те слова, что тебе берегу,
В книгах найдешь
Или в собственном сердце.

1999

«Я в равенство не верил никогда...»

Я в равенство не верил никогда.
Прощай, экономическое чудо.
Кому – богатство, а кому – нужда.
Кому – хоромы, а кому – лачуга.

Права и льготы у бывших вельмож
Забрали, чтоб отдать их депутатам.
Певцы сменились, да осталась ложь.
И стрелки мчат по старым циферблатам.

Уходят годы, а в моем краю
Родные деревеньки так же жалки.
Учительницу первую мою
Лишь выселила смерть из коммуналки.

1993

«В ясную погоду...»

В ясную погоду
«Юности» моей
Был я всем в угодую,
Стольких знал друзей.

За крамолу битый,
Возглавлял журнал.
Даже сам А. Битов
Как-то повесть дал.

Часто Вознесенский
Снисходил до нас.
Наш тираж вселенский
Был ему как раз.

И, поправив гранку,
Искромсав листы,
Уезжал в загранку
Гений суеты.

Имена, фамилии,
Блеск и мишура...
Что-то все забыли,
Как жилось вчера.

Вспоминаю с грустью
Сгинувших друзей.
Хор былых напутствий,
Их крутой елей.

1994

Мойка, 12

Марине

Душа его вернулась в этот дом.
Он счастлив был в своем веселом доме.
Отчаянье и боль пришли потом,
Когда его ничтожный Геккерн донял.

Среди знакомых дорогих святынь
Ты чувствуешь – он постоянно рядом...
Вот тот диван, где медленная стынь
Сковала сердце, овладела взглядом.

И каждый раз, ступая на порог,
Тыходишь в мир – загадочный и грустный.
И с высоты его бессмертных строк
Нисходит в душу чистое искусство.

Я иногда ловлю себя на том,
Что всё он видит из далекой дали,
И открывает свой великий дом
Твоей любви, восторгу и печали.

1999

«Пришли крутые времена...»

Пришли крутые времена...
Авторитет России продан...
Идет холодная война
Между властями и народом.

Идет холодная война
От поражения к поражению.
Ни та, ни эта сторона
Не проявляют сожаленья.

И станут биться до конца.
Одни, чтоб выжить на пределе.
Другие – в поисках лица,
Чтоб люди верить захотели.

Но их надежда не сбылась.
Нас так обманывали часто,
Что, как бы ни менялась власть,
Здесь не меняются несчастья.

Идет холодная война...
И гибнут вера и надежды.
И власть опять обречена,
А я кричу: «Россия, где ж ты?»»

«Страна моя – и.о. России...»

Страна моя – и.о. России
С и.о. премьера и царем —
Живет в надежде на Мессию,
С кем жизнь иную изберем.

Но что-то нет пока Мессии.
И шанс прийти покуда мал.
И.о. была когда-то в силе,
И мир лишь ахать успевал.

Спасибо вам, отцы-вельможи
За обновленную страну,
Где мы теперь спокойно можем
Из тысяч бед избрать одну.

Спасибо вам, отцы-министры,
И самый знатный из Емель,
За то, что вы легко и быстро
Нас посадили всех на мель.

Как будто вы не виноваты
В том, что теперь позорен труд,
И так мала у нас зарплата,
Что сразу за год выдают.

Вы где-то денег напросили,
Чтоб не испытывать вины...
Мы все теперь – и.о. России,
И.о. потерянной страны.

1998

«Я одинокий волк...»

Я одинокий волк...
Я не хочу быть в стае.
Пожар в крови уже заметно стих.
И одинокий след мой
По весне растает,
Как тает сила в мускулах моих.

Мне в одиночку выжить не удастся.
Крутую зиму мне не одолеть.
Но чтобы волком до конца остаться,
В отчаянном броске
Хочу я встретить смерть.

В последний раз вкушу азарт погони,
Пройду по краю на семи ветрах.
Я старый волк.
Но я пока в законе,
И мой оскал еще внушает страх.

1993

«Неповторим осенний Ленинград!..»

Марине

Неповторим осенний Ленинград!
Неповторима пушкинская осень.
Замешивает краски листопад
И медленно на землю их наносит.

И вновь адмиралтейская игла
На туче швы незримые сшивает,
Чтоб туча воду наземь не слила,
И без того в подтеках мостовая.

Неповторим осенний Ленинград.
Играют тени на углу фронтальном.
Ветвями перечеркнут Летний сад,
Где статуи, как узники, печальны.

А небо все в мозаике листвы.
Зеленый, алый, бронзовый и синий —
Цвета перемешались... Но, увы,
К утру их обесцветит белый иней.

Неповторим осенний Ленинград!
Когда он юн, когда могуч иль болен.
Над страшной дамбой – тишина и смрад

Неповторимо борются с прибоем.

Вечерний сумрак окнами зажат,
А в небе загорается лампада.
Вновь блики на Исаакии дрожат.
И на землю спускается прохлада.
Наверно, так же был неповторим
Осенний Петербург в былые годы.
И память, словно добрый пилигрим,
Ведет меня под каменные своды.

Неповторима и моя любовь,
И наша боль – с надеждой и мольбою,
Когда он в сердце оживает вновь,
«Великий город с областной судьбою...»

1990

«Кто-то надеется жить...»

Наташе

Кто-то надеется жить
Долго... И дай-то Бог.
А мне бы лишь одолжить
У Времени малый срок.

Чтобы успеть сказать
Другу, что он мне мил.
Да еще показать
Внукам зеленый мир.

Да, может быть, повидать
Деревню Старый Погост,
Где юной была моя мать,
Где с травами шел я в рост.

Где батя учил добру,
Скворечник к сосне крепя.

Я в поле ромашки рву,
Похожие на тебя.

Есть просьба еще одна.
О, если б помочь я мог,

Чтоб ожила страна,
Которую проклял Бог.

1991

«Как тебе сейчас живется?..»

Как тебе сейчас живется?
Ты все так же молода?
Между нами мили, версты,
Километры и года.

Между нами – наша юность.
И прощальные полдня...
Ты мне грустно улыбнулась,
Чтоб поплакать без меня.

Жизнь ушла и воротилась
Вещим сном наедине...
Оказала ты мне милость
Тем, что помнишь обо мне.

Значит, все-таки любила,
Потому что в те года
Все у нас впервые было.
Только жаль – не навсегда.

Как тебе теперь живется?
Предсказал ли встречу Грин?
Повторяются ли весны,
Те, что мы не повторим?

«Я теперь озвучиваю «Вести»...»

Я теперь озвучиваю «Вести»
И для текстов приобрел тетрадь.
Но мое лицо и голос
Вместе
«Вести» не желают совмещать.

Стал и я поденщиком безликим,
Уступив свой авторский экран
Всяким шоу да убогим клипам
Вперемешку с пошлостью реклам.

Как сказал один чиновник важный —
Ни заслуги, ни авторитет
Не помогут, ежели однажды
Лихачи столкнут тебя в кювет...

И страна, любившая поэтов,
Правду говоривших ей в глаза,
Немоты пророческой отведав,
Позабудет наши голоса.

1997

Чиновнику

За вами должность, а за мною имя.
Сослав меня в почетную безвестность,
Не справитесь вы с книгами моими, —
Я всё равно в читателях воскресну.

Но вам такая доля не досталась.
И как сказал про вас великий критик, —
Посредственность опасней, чем бездарность.
А почему — у классика прочтите.

Кайфуйте дальше — благо, кайф оплачен.
Он вам теперь по должности положен.
Но только не пытайтесь что-то значить —
Чем в лужу сесть, сидите тихо в ложе.

1999

«Я на выборах проиграл...»

Я на выборах проиграл.
Я посредственность не осилил.
Но она-то и правит бал,
Прибирает к рукам Россию.

Мне казалось – в родном краю
Непременно я должен выиграть.
Ведь любую строку мою
Земляки могут брать в эпиграф.

Убеждали меня друзья —
Что политика выйдет боком,
Что себе изменять нельзя.
Ты – поэт. Значит, избран Богом.

В эти серые времена,
Может быть, для кого-то радость,
Что в почете не имена,
А безлика заурядность.

1995

Береза в Мозамбике

В Мозамбике в просторном посольском саду
Посадили росток от березовой грусти.
И под солнцем чужим набирал высоту,
Словно к дому тянулся,
Тот маленький прутик.

Поливали его, от жары берегли.
И однажды под осень,
В середине апреля,
В память русской весны,
В честь родимой земли
Появилась на прутике первая зелень.

И теперь, когда осень спешит в Мозамбик,
Через желтые листья березы российской
Пробивается зелени тихий родник,
И далекое снова становится близко...

Это память России в березе живет.
И, быть может, ей слышатся майские грозы.
Потому она осенью грустно цветет,
И текут по стволу запоздалые слезы.

Солдатские матери

Матери солдат, воюющих в Чечне,
Всё еще надеются на чудо.
И в тревоге ждут вестей оттуда.
И свои проклятья шлют войне.

Те, кто могут, едут на войну,
Чтобы вырвать сыновей из ада.
Власть считает – все идет как надо,
Лишь бы на себя не брать вину.

Но позора этого не смыть,
Не сокрыть его верховной ложью.
Материнский суд, что кара Божья,
Не позволит ничего забыть.

1995

Монолог певицы

Я хочу пойти во власть, —
Чем я хуже Хакамады.
Точно, я пойду во власть,
Чтобы ниже ей не пасть.

Я хочу пойти во власть, —
Что-то есть в ней от эстрады.
Посмеемся в Думе всласть,
Чтоб от горя не пропасть.

Я хочу пойти во власть, —
Мужики там осрамились.
Им бы драться лишь да спать,
Вот и вся их ипостась.

Точно, я пойду во власть.
Окажу такую милость.
Эй, вы, нынешние, слазь!
Сколько можно время красть?!

«Прощаясь с прошлым...»

Прощаясь с прошлым,
Я прощусь с тобой.
Не сожалей, что все уже в минувшем.
Из всех друзей твоих
Я не был лучшим.
И наш разрыв ты не считай бедой.

Уже давно вступили мы в разлад.
Моя душа – как море в час отлива.
И прошлых лет – достойных и счастливых —
Никто не может нам вернуть назад.

Но я судьбе признателен навек
За все, что было в этой жизни с нами.
И время снимет с душ тяжелый камень.
И боль уйдет – как сходит в марте снег.

1994

«Бессонницей измотаны...»

Ане

Бессонницей измотаны,
Мы ехали в Нью-Йорк.
Зеленый мир за окнами
Был молчалив и строг.

Лишь надписи нерусские
На стрелках и мостах
Разрушили иллюзию,
Что мы в родных местах.

И, вставленные в рамку
Автобусных окон,
Пейзажи спозаранку
Мелькали с двух сторон.

К полудню небо бледное
Нахмурило чело.
Воображенье бедное
Метафору нашло,

Что домиков отпадных
Так непривычен стиль,
Как будто бы неожиданно

Мы въехали в мультфильм.

1995

США

«Она призналась: «Я тебя люблю...»...»

Она призналась: «Я тебя люблю...»
Но он не верил, что она отважится
Свой Май отдать седому Декабрю.
И он сказал: «Тебе все это кажется...»

Их разделяла жизнь, а не года.
Он прошлым жил. Она была там саженцем.
Он говорил ей: «Как ты молода...»
Она смеялась: «Это просто кажется...»

И лишь в разлуке осенило их,
Какой любовью одарил Господь их.
Исчезло все – остался только миг,
Когда он мог, волнуясь, сесть напротив.

Когда слова, которым равных нет,
Обозначали радость, страсть и муку.
Когда в запасе было столько лет,
Что их с лихвой хватило на разлуку.

«Зураб сказал...»

Зурабу Церетели

Зураб сказал:

Металл проснуться должен,

Чтоб музыку отдать колоколам.

А до того он, словно царь, низложен,

И ждет мелодий молчаливый Храм.

Зураб сказал:

Нет ничего прекрасней,

Чем сумеречный звон колоколов,

Когда закат под эти ноты гаснет,

И всё понятно, и не надо слов.

И вот над возродившимся собором

Поплыл впервые колокольный звон.

И тихо замер потрясенный город,

Как будто исповедовался он.

Минует всё. Останется искусство

И к Богу устремленные глаза.

Металл проснулся от чужого чувства,

Как в небе просыпается гроза.

И я стою, как пушкинский Евгений,

Пред новою загадкою Петра,
Вновь убеждаясь – всё, что может гений,
Понятно только гениям добра.

1999

«Еще холста он не коснулся...»

Зурабу Церетели

Еще холста он не коснулся,
Но холст его преобразил.
Он виновато улыбнулся,
Как будто нас уйти просил.

В лучах волнения и света
Плывут его полутона.
И никого с ним рядом нету,
А есть восторг и тишина.

Играла музыка...
Художник
Шел сквозь печаль и торжество.
О, сколько мир искусству должен!
Хотя не должен ничего.

1993

«В отеле, где живем мы...»

В отеле, где живем мы,
Из окна
Прекрасный вид:
Серебряные горы,
Лесистые холмы
И белизна
Нетронутого снега...
И узоры
Причудливо заснеженных ветвей.
И лыжники — как гномы, —
У которых
Одежда новогодних фонарей.

А ночью над горами синий холод.
И лунный свет.
И таинство снегов.
И небосвод, что звездами исколот.
И чуткий скрип невидимых шагов.

Как хорошо порой уединиться, —
Ни суеты, ни телефонных встреч, —
И ощутить себя свободной птицей.
И это ощущение сберечь.

1995

Франкония, США

«Я брожу по майскому Парижу...»

Я брожу по майскому Парижу.
Жаль, что впереди всего три дня.
Все надеюсь, что еще увижу
Женщин, изумивших бы меня.

Я искал их при любой погоде...
Наконец всё объяснил мне гид:
Что пешком красавицы не ходят.
И сменил я поиск Афродит.

На такси за ними я гонялся,
На стоянках все смотрел в окно.
По бульварам, словно в старом вальсе,
Обгонял я модные «Рено».

Я искал их – черных или рыжих...
Но не повезло мне в этот раз.
До сих пор не верю, что в Париже
Женщины красивей, чем у нас.

1997

«Властители дум ненавидели власть...»

Властители дум ненавидели власть...
Теперь же иные у них отношенья.
И новая власть им по вкусу пришлась,
Ирония вдруг поменяла мишени.

И бывший бунтарь, затихающий бард,
Свободу свою не предавший ни разу,
Теперь комплименты выслушивать рад,
Не сразу поняв, что всучили награду.

И Пушкина некогда царь приручал,
Да только напрасно...
А нынешний «гений»,
Чей голос Систему в сердцах раскачал,
Готов преклонить перед властью колени.

1993

Памяти друга Юры Григорьева

Ты прости друзьям свой смертный час.
Ты прости – предчувствий не хватило,
Чтобы кто-то, за тобой умчась,
Уберег тебя от черной силы.

У дороги положу цветы,
Где навек твое померкло небо.
Господи, ну как же всё нелепо!
Как жестоко – эта смерть и ты.

Я сказать при жизни не успел,
Как ты в дружбе нашей был надежен.
И до главных помыслов и дел,
Может быть, всего полдня не дожил.

Я тебе при жизни не сказал
Этих слов... Я не успел при жизни.
Кто же думал, что так будет мал
Путь твой – от рождения до тризны.

Кто же знал, что ты в последний раз
Бросил взгляд на свет родимых окон.
На твоей дороге одиноко,
Как в душе у каждого из нас.

Все мы перейдем свою межу.
И, когда я вытяну свой жребий,
Всё, что не сказал тебе, – скажу,
Только бы нам встретиться на небе.

1993

«Вся страна играет в лотерею...»

Вся страна играет в лотерею.
И организаторы ее
Думают, что станем мы добрее,
Выиграв зарплату иль жилье.

Может быть, и выиграет кто-то.
Большинству же выпадет билет
С той же бесконечною работой,
При которой крупных денег нет.

Но страна играет в лотерею
Около отчаянья и бед.
Не придумав ничего мудрее —
Верит в чудо...
А его всё нет.

1991

«Меж жизнью и смертью...»

Меж жизнью и смертью
Есть некий предел.
Душа перед ним
Одиноко робеет.
Я тоже неожиданно
На миг оробел,
Когда вдруг увидел
Неведомый берег.
А сколько мне плыть —
Это ведает Бог.
Но сердцу не терпится
Вновь обернуться
На берег,
Где все еще слышится вздох,
К которому мне никогда не вернуться.
Как страшен покой,
Охвативший меня.
И нет напряжения прошлого
В токах.
А жизни всегда не хватает полдня,
Чтоб взять на себя
Подведение итогов.
Пришло это время.
Иль только придет.
И жизнь, словно чай,

Ускользает из блюда.

И страшно уже торопиться вперед.

Как страшно в былое свое оглянуться.

1990

Концерт в Пицунде

Микаэлу Таривердиеву

Звучит орган в пицундском храме.
Нисходит музыка с небес.
И что-то происходит с нами,
Коль мир за окнами исчез.

А белый ангел возле клавиш
Творит на людях торжество.
О чем ты души вопрошаешь
Из вдохновенья своего?

Звучит орган в прохладных сводах,
В печальных сводах допоздна...
И возрождается свобода,
И оживает старина.

А сверху смотрят фрески немо
В земном предчувствии чудес.
Восходит музыка на небо, Едва сошедшая с небес.

1991

Гороскоп

Я в прошлой жизни был пастух.
Я пас коров до самой старости.
Не потому ли чувство стадности
И ныне мой смущает дух?

А в этой жизни я поэт.
Пасу рифмованное стадо
На белых выгонах тетрадок,
Поскольку книжных пастбищ нет.

Их жадно бизнес разобрал
И тут же сделал дефицитом.
Бессмысленно быть знаменитым
В стране, где пошлость правит бал.

А кем я буду в жизни той,
Что ждет меня за гранью смерти,
Мне все равно... Но уж поверьте,
Я там не встречу с суетой.

«Я ничего и никому не должен...»

Я ничего и никому не должен.
Не должен клясться в верности стране
За то, что с ней до нищеты я дожил.
За то, что треть земли моей в огне.

Я ничего и никому не должен.
Мне «молодые волки» не указ.
Они, конечно, много нас моложе,
Но вовсе не талантливее нас.

И новый мир по-старому ничтожен
Среди своих раздоров и корыт.
Я ничего и никому не должен,
Поскольку никогда не жил в кредит.

1992

«Старинный зал, старинный вальс...»

Старинный зал, старинный вальс, —
Почти Дворянское собрание.
Тогда не мог я знать заранее,
Что этот вечер сблизит нас.

Благодарю вас за восторг!
Я думал – «Боже мой, откуда
Здесь оказалось это чудо,
С лицом, запомнившим Восток?»

И я уже не представлял
Вас в этом веке, в этом мире:
В метро иль в чьей-нибудь квартире.
Вам так к лицу был этот зал.

Играла музыка...
И вдруг
Пришло предчувствие внезапно,
Что все у нас случится завтра —
Мои слова и ваш испуг.

1990

«Если жизнь вас чем-то огорошит...»

Если жизнь вас чем-то огорошит —
Горькою разлукой или злом, —
Вспомните о чем-нибудь хорошем,
Что осталось некогда в былом.

Вспомните ночную нежность моря,
Утреннюю музыку лесов...
И тогда утихнет ваше горе,
Отойдет на несколько часов.

Полегчает вам от встречи с прошлым.
Вы себе признаетесь тогда:
Боже мой, как счастливо я прожил
Некие мгновенья и года.

Я воспоминанием спасаюсь,
Ухожу в любимый день иль год.
Силами в минувшем запасаясь
Против всех сегодняшних невзгод.

В тяжелой хвори иль навете грязном,
Когда жизнь — как молчаливый крик, —
Вспомните о чем-нибудь прекрасном,
Вновь переживите этот миг.

«А в метро на переходах...»

А в метро на переходах
Много нищих, как в войну.
Просят денег у народа,
Ну, а кто подаст ему?

Раскошеливайся, Запад!
Аппетит неукротим.
Мы стоим на задних лапах,
Потому что есть хотим.

А поодаль барахолка.
Вся Москва торгует тут.
Ждать, наверное, недолго —
И страну распродадут.

И, устав от словоблудии,
Я кричу у стен Кремля:
— Что же с нами завтра будет?
Что же с нами будет, бля?!

1995

Прощёное воскресенье

Прощаю всех, кого простить нельзя,
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: «Не будьте к ближним строги —
Вас все равно всех помирит земля».

Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И, все-таки, как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.

Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мстью душу я свою не тешил,
Поскольку в битвах тоже не безгрешен, —
Кого-то и моя нашла стрела.

1992

«Кому Господь благоволит...»

Евгению Мартынову

Кому Господь благоволит,
Того Он забирает рано.
И до сих пор во мне болит
Незаживающая рана.

Едва лишь вырвавшись на свет,
Осталась музыка без звука.
И недопетый твой куплет
Куда-то спрятала разлука.

Не много ты успел нам спеть.
Но то, что спето, – не исчезнет.
Оборвала внезапно смерть
На лебединой ноте песню.

А ныне, словно на таран,
Несется пошлость по экранам.
И вряд ли светлый твой талант
Вписался б в этот хор бездарный.

Ах, Лель... Какой была весна,
Когда из сказки ты явился,
Когда влюбленная страна

Ждала тебя, как мать, у пирса.

Я ставлю диск твой...

Сколько лет

Прошло,

Как сердце раскололось...

И вновь я верю – смерти нет,

Когда звучит твой чудный голос.

1998

Памяти мамы

Повидаться лишний раз
Было некогда.
Я теперь спешить горазд,
Только некуда.

Было некогда, стало некуда.
Если можешь, то прости...
Все мы дети суеты,
Ее рекруты.

Прихожу в твой дом пустой,
Грустно в нем и тихо.
Ставлю рюмочки на стол
И кладу гвоздики.

Сколько праздников с тобой
Мы не встретили.
А теперь лишь я да боль.
Нету третьего.

Посижу и помяну
Одиноко.
Ты услышь мою вину,
Ради Бога...

«Нас старят не годы, а беды...»

Ане

Нас старят не годы, а беды
И боль от неожиданных утрат.
И я выбираюсь из бездны,
Боясь оглянуться назад.

Господь иль судьба – я не знаю —
Вернули надежду душе.
Иду я по самому краю
В последнем своем вираже.

И нету ни боли, ни страха,
Ни прошлых обид и ни ссор.
Хоть жизнь – как неожиданная плаха —
Означила свои приговор.

Но я ничему не поверил
И даже не сбавил шаги.
И лишь у спасительной двери
Я тихо сказал: «Помоги»...

И руки к глазам твоим поднял,
Почти умирая уже.
И в это мгновение понял,

Откуда надежда в душе.

1999

«Люблю пейзаж проселочных дорог...»

Люблю пейзаж проселочных дорог
С их живописными изгибами,
С белесой пылью из-под ног...

Как жаль – всему приходит срок —
Проселки под асфальтом сгинули.

Но если вдруг в чужой стране
Я натыкаюсь на проселок,
Вновь возвращается ко мне
Былая память дней веселых —
С тверской рыбалкой поутру,
Но чаще все ж – с грибным скитаньем
И с благодарностью костру,
Когда гроза в лесу застанет...

Люблю пейзаж проселочных дорог.
Как жаль – всему отпущен срок.

1999

«Когда накатывают волны гнева...»

Когда накатывают волны гнева
И кажется, — любовь дает отбой, —
Взгляни в глаза мне —
И увидишь Небо,
Которое венчало нас с тобой.

И, если сможешь, — пересиль обиду
И сосчитай хотя б до десяти.
Рассмейся или улыбнись для виду.
И выдохнем друг другу мы —
«Прости...»

1998

«В беде моя Россия много лет...»

В беде моя Россия много лет.

Как жаль, что к власти

Бездари приходят.

И нет уже доверия в народе

Ни к тем, кто лыс,

Ни к тем, кто слаб и сед.

Неужто так Россия оскудела

На умных и порядочных людей,

Что все мы возле избранного тела

Должны мириться с участью своей?

Прощай, страна, дарившая когда-то

Бессмертные дела и имена.

В позоре нашем ты не виновата

И в бедности вселенской не грешна.

Но где тот бунт – крутой и беспощадный,

Бунт разума и совести людской?

Могу ответить я одной строкой.

Но, к сожалению, текст мой – непечатный.

«В дружбе нет ни титулов, ни званий...»

В дружбе нет ни титулов, ни званий,
Все мы перед ней навек равны.
Старый друг остался прежним Ваней,
Хоть надел с лампасами штаны.

Я издал уже немало книжек,
Чем, признаться, бесконечно горд.
Только без друзей бы я не выжил
В самый тот невыносимый год.

И в далеком городе Бат-Яме
Мишка Резник – бывший замполит
Под матросской лентой в древней раме
Наше детство бережно хранит.

Разбросала нас судьба по странам,
Раскидала наш гвардейский класс.
Как к ненастью в батьках ныли раны,
Так в разлуке ноет дружба в нас.

«Как жаль, что мы не подружились...»

Юрию Левитанскому

Как жаль, что мы не подружились...
Но дружбе не присущ аврал.
Ты был похож на старый «Виллис»,
Который все дороги брал.

И наш подъем ты б смог осилить,
Где замыкался общий круг.
Но я уехал из России,
А ты ее покинул вдруг.

Я прилетел с тобой проститься.
И запоздавшие слова
Уже могли и не случиться,
Поскольку смерть всегда права.

Но вопреки ее запретам
Я нарушаю твой покой.
Не запретишь дружить поэтам
Хотя б единственной строкой.

«Вы полагаете...»

«Да, полагаю...»

1999

«Звоню друзьям...»

Звоню друзьям.
Они все на приеме,
Где президент,
Охаянный страной,
Внушал им навести порядок
В доме,
Поскольку сам то болен,
То хмельной.

Не получилась праздничной
Тусовка,
Хоть собрались не слабые умы.
Но, видно, стало очень им неловко
За этот пир во времена чумы.

И стыдно стало, что в такое время,
Когда народ измучился от бед,
Они не разделили боль со всеми,
А поделили с Ельциным фуршет.

Простите их... Они слегка зазнались.
Погрязли, забурели, обрели...
И жизнь других —
Для них такая ж малость,
Как в ГКО пропавшие рубли.

«Наше время ушло...»

Наше время ушло...
Это мы задержались,
Потому что Россия без нас пропадет.
Мы свободой уже допьяна надышались.
И не раз заслоняли ее от невзгод.

И да будет счастливым грядущее время!
А когда нас не станет,
Не делайте вид,
Будто не было нас...
В землю брошено семя.
Собирать урожай вам еще предстоит.

Наше время ушло...
Мы чуть-чуть задержались,
Потому что с себя не снимаем вину.
Как мое поколение унизила жалость,
Так унизили бедностью нашу страну.

1998

«Мне всегда бывает грустно...»

Мне всегда бывает грустно
Обмануться в тех, кто мил.
И жалеть, что рано чувства
Перед ними обнажил.

Но уж так пошло издревле —
Человек то раб, то князь.
И ответом на доверье
Может вспыхнуть неприязнь.

От похвал или оваций,
От удач, идущих вверх,
Кто-то в зависть мог сорваться,
Ибо свет его померк.

Это все смешно и грустно,
Потому что суета.
Я доплыл уже до русла,
Где покой и красота.

Где все страхи беспричинны
Перед вечностью Творца.
И где годы — как песчинки
Иль цветочная пыльца.

Но подводит нас натура,
Человеческая суть.
Мы живем с упорством тура —
Хоть кого-то, но боднуть.

1999

Тверская хроника

Еще весной мы сняли эту дачу.
Лес у дороги, речка за окном.
И к тем красотам Бог послал впридачу
Твое соседство...
Но о нем потом.

Наш старый дом был окружен сиренью.
И цвет ее так шел твоим глазам.
Но, видно, ты была не в настроении,
Когда об этом я тебе сказал.

И ничего меж нами не случилось.
Посередине радости и зла
Моя душа от прошлого лечилась,
Твоя душа грядущего ждала.

Но помню я, как в первый день июля
Мы в лес вошли... И птицы пели нам.
Там будущее мы твое вернули
И честно поделили пополам.

Как странно, но две спелых землянички,
Что ты мне положила на ладонь,
Как будто бы две вспыхнувшие спички,
В нас разожгли невидимый огонь.

И в том огне, спасаясь от бывшего,
От бед его, коварства и утрат,
Я произнес единственное слово.
И никогда не брал его назад.

1995

Московская хроника

Я ехал на троллейбусе от Сокола.
Стоял июль и мучила жара.
Вдруг ты вошла и тихо села около,
Как будто мы расстались лишь вчера.

Но мы друг друга так давно не видели!
Я в эту встречу впал, как в забытье.
И долго брал билеты у водителя,
Чтоб как-то скрыть волнение свое.

Мы вскоре вышли около метро.
Нас встретили цветочные завалы.
Старушка там ромашки продавала —
Их было непечатое ведро.

И вспомнил я то радостное лето,
Когда мы жили в устьенской избе.
Такие же роскошные букеты
Я прямо с поля приносил тебе.

И это я ведро опустошил.
И всю охапку полевых ромашек
К твоим глазам я на руки сложил,
Как память встреч и ожиданий наших.

Ты улыбнулась на мою забаву.
Но взгляд твой был – как затаенный крик.
И я подумал:
«Мы как два состава
На полустанке встретились на миг».

И разошлись.
Но каждый год в июле
Стоят ромашки на моем окне.

Они меня в былое не вернули,
Но берегут минувшее во мне.

1995

Позднее признание

В неизбытом том десятилетье
Наше слово с делом разошлось.
Потому не верили нам дети,
Потому и души были врозь.

Жили мы то горько, то лукаво,
Думая: иного счастья нет.
И, по сути, не имели права
Быть примером для идущих вслед.

И мирились с тем, что было плохо,
Позабыв о совести своей.
Но смотрела нам в глаза эпоха
Чистыми глазами сыновей.

Время нам приписывало смелость.
И, пред ним испытывая страх,
Очень уж нам выглядеть хотелось
Подлинными в собственных глазах.

1994

«Ты сказал мне...»

Ты сказал мне,
Что превыше дружбы
Нет на этом свете ничего.
И добавил, улыбнувшись грустно, —
«Потерял я друга своего...
Он всегда был рядом в час тяжелый.
И на болтовню не тратил пыл.
С виду крепкий, как осенний желудь,
Он таким и в нашей дружбе был.

Сколько я потом из сердца выгнал,
Сравнивая с корешем моим.
Он умел дружить и жить без выгод,
Потому и стал незаменим...»

1999

«Президенты сменяют друг друга...»

Президенты сменяют друг друга.
Только жизнь наша без перемен.
Все никак мы не выйдем из круга,
Не поднимем Россию с колен.

Как жилось моим сверстникам трудно,
Так и дальше придется им жить.
Президенты сменяют друг друга,
Продолжая былому служить.

И с усердьем бюджет наш латают,
Как латает портниха штаны.
Мы сбиваемся в легкие стаи
В ожидании новой весны.

И она в свое время приходит,
Растянув журавлиную нить.

И, пока есть надежда в народе,
Может все он понять и простить.

1999

«На скалах растут оливы...»

Ане

На скалах растут оливы.
На камне цветут цветы.
Живут средь камней олим¹,
Как рядом со мною – ты.

Я твой нареченный камень.
Крутой и надежный грунт.
Попробуй меня руками,
Почувствуешь, как я груб.

Но весь я пророс цветами.
И нежностью их пророс.
Со мной тебе легче станет
В минуты ветров и гроз.

Я твой нареченный камень,
Согретый огнем любви.
Когда же мы в бездну канем,
Ты вновь меня позови.

1998

¹ Олим¹ – репатрианты.

Восьмидесятые годы

* * *

Я принял штурвал журнала «Юность». 1981 год

Характер

У мужчины должен быть характер.
Лучше, если тихий,
Словно кратер,
Под которым буря и огонь.

У мужчины должен быть характер,
Добрый взгляд
И крепкая ладонь.
Чтобы пламя сердце не сожгло,
Можно душу отвести на людях,
Лишь бы в сердце не копилось зло.

У мужчины должен быть характер.
Если есть —
Считай, что повезло.

1980

Пока заря в душе восходит...

Любовь не только возвышает —
Любовь порой нас разрушает,
Ломает судьбы и сердца...
В своих желаниях прекрасна,
Она бывает так опасна,
Как взрыв, как девять грамм свинца.

Она врывается внезапно,
И ты уже не можешь завтра
Не видеть милого лица.

Любовь не только возвышает —
Любовь вершит и всё решает.
А мы уходим в этот плен
И не мечтаем о свободе.
Пока заря в душе восходит,
Душа не хочет перемен.

1983

Этюд

А. Алексину

Мне с летом расставаться жаль.
С его теплом,
Цветами поздними.
Необъяснимую печаль
Таят в себе
Красоты осени.

Не слышно птичьих голосов.
И небеса —
Как парус стираный.
Прохладный малахит лесов
Янтарной грустью инкрустирован.

Над полем мечутся ветра.
Я запасаясь солнцем на зиму.
И всё во мне:
Печаль костра
И вздох листвы,
Летящей на землю.

1983

«Срывают отчий дом...»

Срывают отчий дом.
Как будто душу рушат.
Всё прошлое – на слом.
Прощаемся с минувшим.

Прощаемся с собой,
Ведь столько лет послушно,
Как маленький собор,
Хранил он наши души!

Всю жизнь мы жили в нем,
Беду и радость знали.
Охвачены огнем
Мои воспоминанья.

Как жаль, что довелось
Дожить до дня такого...
Отец не прячет слез.
Застряло в горле слово.

И дом в последний раз
Глядит на всех незряче.
То ли жалеет нас,
То ль о минувшем плачет.

«Сандаловый профиль Плисецкой...»

Сандаловый профиль Плисецкой
Взошел над земной суетой,
Над чьей-то безликостью светской,
Над хитростью и добротой.

Осенняя лебедь в полете.
Чем выше – тем ярче видна.
– Ну как вы внизу там живете?
Какие у вас времена?

Вы Музыкой зачаты, Майя,
Серебряная струна.
Бессмертие – как это мало,
Когда ему жизнь отдана!

Во власти трагических судеб
Вы веку верны своему.
А гения время не судит —
Оно только служит ему.

Великая пантомима —
Ни бросить, ни подарить.
Но всё на Земле повторимо,
Лишь небо нельзя повторить.

Сандаловый профиль Плисецкой
Над временем – как небеса.
В доверчивости полудетской
Омытые грустью глаза...

Из зала я, как из колодца,
Смотрю в эту вечную синь.
– Ну как наверху Вам живется? —
Я Лебедя тихо спросил.

1982

«Среди печали и утех...»

В. Амлинскому

Среди печали и утех,
Наверно, что-то я не видел.
Прошу прощения у тех,
Кого нечаянно обидел.

Когда бы это ни случилось —
Вчера лишь иль давным-давно,
Ушла обида иль забылась, —
Прошу прощенья всё равно...

Прошу прощенья у любви —
Наедине, не при народе, —
Что уходил в стихи свои,
Как в одиночество уходят.

И у наставников своих
Прошу прощенья запоздало,
Что вспоминал не часто их,
Затосковал, когда не стало.

А вот у ненависти я
Просить прощения не стану
За то, что молодость моя

Ей доброту предпочитала.

Не удивляйтесь, что сейчас,
Когда судьба мне время дарит,
Прошу прощения у вас.

Но знаю я: последний час
Обычно не предупреждает...

1983

СЫНОВЬЯ

Наивные акселераты,
Смешные наши малыши!
Они, наверно, втайне рады,
Что батек в росте обошли.

Мы были в их года пожиже —
Война, разруха, недород.
Тогда нам впору было б выжить
От тех харчей, от тех невзгод.

Смотрю на сына — и пугаюсь:
Что ждет их в этом мире гроз?
Он так доверчив, словно аист,
Что нам с тобой его принес.

1983

«Друг познаётся в удаче...»

О. Комову

Друг познаётся в удаче
Так же, порой, как в беде, —
Если он душу не прячет,
Чувства не держит в узде.

Друг познаётся в удаче.
Если удача твоя
Друга не радует – значит,
Друг твой лукав, как змея.

Или же горькая зависть
Разум затмила его,
И, на успех твой позарясь,
Он не простит ничего.

Он не простит... Но иначе
Скажет об этом тебе.
Друг познаётся в удаче
Больше порой, чем в беде.

Давнее сновидение

Снова мы расстаемся с тобою.
За окном опускается ночь —
Со слезами, с надеждой и болью,
С невозможностью чем-то помочь.

Нам в разлуке не будет покоя.
Как же слезы твои солонны!
Слишком коротко счастье людское,
Слишком редки прекрасные сны.

Посреди самолетного грома
Я впервые подумал о том,
Что Земля потому так огромна,
Что в разлуке на ней мы живем.

1983

Баллада о любви

– Я жить без тебя не могу.
Я с первого дня это понял...
Как будто на полном скаку
Коня вдруг над пропастью поднял.

– И я без тебя не могу.
Я столько ждала! И устала.
Как будто на белом снегу
Гроза мою душу застала...

Сошлись, разминулись пути.
Но он ей звонил отовсюду.
И тихо просил: «Не грусти».
И тихое слышалось: «Буду».

Однажды на полном скаку
С коня он сорвался на съемках...
– Я жить без тебя не могу, —
Она ему шепчет в потемках.

Он бредил... Но сила любви
Вновь к жизни его возвращала.
И смерть уступила: «Живи!»,
И всё начиналось сначала.

– Я жить без тебя не могу... —
Он ей улыбался устало.
– А помнишь, на белом снегу
Гроза тебя как-то застала?

Прилипли снежинки к виску.
И капли грозы на ресницах...
Я жить без тебя не смогу.
И, значит, ничто не случится.

1982

Прости, солдат

Среди сотен писем это письмо, словно фронтовой треугольник, обожгло материнской болью. «Нам с отцом вырвали заживо сердце, – писала мне из украинского села Брянка Мария Николаевна Селиванова. – Наш сын Володя погиб в Афганистане. Его похоронили в ста пятидесяти метрах от нашего дома на старом кладбище. Очень тяжело хоронить детей в таком возрасте. Пусть никому не придется испытать эту муку... Я Вас попрошу, если Вас не затруднит моя просьба, – напишите стихи за моего сына Володю и пришлите мне. Простите, может, что не так написала, но ведь это Ваша песня «Алексей, Алешенька, сынок...» Поэтому и обращаюсь к Вам с материнской просьбой...»

Впервые я писал горькие стихи для одной-единственной женщины, матери неведомого мне Володи, ни на минуту не забывая о других матерях, не дождавшихся своих детей с полей сражений.

Он возвращается домой
Из прошлой жизни, из разлуки.
Но край родной окутан тьмой.
И красок нет, и смолкли звуки.

Вслед за молчанием его
Пылит печальная дорога...

Но он не видит ничего
Из оцинкованного гроба.

Прости, солдат, что отчий дом
Согреть тебя не может в холод.
Прости за то, что мы живем.
Тебе бы жить – ты был так молод.

Блеснет закатный луч в окне.
Зашелестят в саду ракиты.
О, сколько ныне по стране
Таких вот холмиков нарыто.

Не дай, Отчизна, умолчать
И этим матерей обидеть.
Они идут сынов встречать,
Чтоб никогда их не увидеть.

Мы всем им воздадим сполна
За боль, за мужество и доблесть.
Но не стихает в нас вина
И всё большее наша совесть.

Не знаю, у кого спросить,
Не знаю, как себе ответить:
Доколе будет голосить
Земля моя по нашим детям?!

Жалею зверей

Жалею зверей в зоопарке,
И в цирке мне жалко зверей.
Как люди на зрелища падки!
Когда же мы станем добрей?

И лев уже ходит под кличкой,
Барьер на манеже берет.
И царскую гордость публично
Меняет на бутерброд.

А некто, войдя к нам в доверье,
Устроил аттракцион:
И в пасть онемевшему зверю
Сует свою лысину он.

Лев нежно обходится с нею.
И, занятый скучной игрой,
Он кажется много умнее,
Чем этот манежный герой.

Жалею зверей в зоопарке.
У неба украденных птиц.
Вон той молодой леопардке
Всё хочется клетку открыть.

Не терпится выйти на волю,
Вернуться в былую судьбу.
Но приступы гнева и боли
Весьма забавляют толпу.

Ей дети бросают конфетки.
Наверно, жалеют ее.
За что красота эта в клетке?!
И в чем провинилось зверье?

Я взглядом встречаюсь с гориллой.
В глазах у гориллы упрек:
«Я предков тебе подарила,
А ты нас в неволю упек».

И вдруг осенил меня предок
Печальной догадкой своей:
«Ведь им безопасней из клеток
Соседствовать с миром людей».

1982

«За все несправедливости чужие...»

Л. Бадалянц

За все несправедливости чужие
Несу вину сквозь память и года.
За то, что на одной планете живы
Любовь и боль,
Надежда и беда.

Я виноват, что не промолвил слова,
Которое могло всё изменить:
Вернуть любовь —
Кто в ней разочарован,
Вернуть надежду —
Если нечем жить.

Будь проклято несовершенство мира —
Наш эгоизм и слабый мой язык.
Прошу прощенья у больных и сирых
За то,
Что я
К вине своей привык.

Встреча в Дюссельдорфе

Из-за синего дыма
Смутно видится зал.
Я с веселостью мима
Жестом что-то сказал.

Начинается диспут.
Двести немцев и я.
В их записки я втиснут,
Будто в грудку белья.

В этом ворохе белом
Мне нетрудно пропасть.
Но охота быть смелым
И поёрничать всласть.

Но вдруг рядом с собою
Я увидел глаза.
Как на службе в соборе
Заглянул в образа.

Эх ты, карее чудо,
Европейская спесь.
Почему и откуда
Оказалась ты здесь?

Полушепотом русским
Ты успела сказать:
Где-то там под Иркутском
Трое братьев и мать.

А хотелось полегче
Жить в богатой стране.
И подставила плечи
Ты чужой пятерне.

Вышла замуж за немца
Девятнадцати лет.
А куда было деться
От нужды и от бед!

Сколько дней миновало,
Сколько вырвалось слов...
Долго боль остывала
От разлук и оков.

Твой супружник здоровый
Глаз не сводит с тебя.
Ни единого слова,
Не сердясь, не любя.

Мы встречались глазами,
Позабыв про него.
И так много сказали,
Не сказав ничего!

Все вопросы осилив,
На прощанье стоим.
Ах, Россия, Россия!
Сколько лет, сколько зим...

Возле сердца Россия —
Дотянуться нельзя.
Не о том ли просили
Не чужие глаза?

Руки тонкие виснут,
Карий взгляд обречен.

Правда, был еще диспут,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.